

Светлана Бестужева-Лада

Сказки для взрослых

Светлана Бестужева-Лада

Сказки для взрослых

«Издательские решения»

Бестужева-Лада С. И.

Сказки для взрослых / С. И. Бестужева-Лада — «Издательские решения»,

Сборник новелл о том, что в жизни обычных людей сказки происходят чаще, чем принято думать. Три истории из жизни трех обычных женщин. Ну... иногда не совсем обычных.

Содержание

Фламенко по-турецки	6
Глава первая. Ночной полет	6
Глава вторая. Воспоминания и комментарии к ним	16
Глава третья. Байяна руссо	27
Глава четвертая. Ряд волшебных изменений...	41
Глава пятая. Все к лучшему	51
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сказки для взрослых

Светлана Бестужева-Лада

© Светлана Бестужева-Лада, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фламенко по-турецки

Глава первая. Ночной полет

«Нельзя иметь все сразу», – вертелось у меня в голове неведь откуда взявшееся словосочетание. Взвешенное и прилипшее намертво, как использованная жвачка к подошве. И такое же незатертое, как оба вышеупомянутых компонента. Н-да...

Спасибо, конечно, что не рекламный какой-нибудь, прости господи, слоган, коих в последнее время развелось немерено. Хотя... почему только в последнее? Всегда ими говорили, только о другом. «Советское, значит, отличное», например. Или «Накопил – и машину купил».

Хорошо, наверное, жили, никаких забот не было.

Нет, не получалась у меня жалость к себе, маленькой. Наверное, потому, что жалеть было не за что. Я сидела в достаточно комфортабельном кресле самолета, причем не эконом класса, а первого, летела не в Ростов или Красноярск, а к Средиземному морю, и не в командировку, а на отдых. Держу пари, мне бы позавидовали девять человек из десяти. Беда состояла в том, что я была тем самым десятым. То есть сама себе не завидовала ни капли.

Во-первых, боюсь летать. Патологически боюсь, до кликушества. Сколько себя помню, передвигаюсь исключительно наземным транспортом, несмотря на очевидные неудобства и насмешки окружающих. Но на насмешки мне было плевать, нервы дороже, а в любую точку дорогой родины вполне можно добраться автобусом или поездом. Вот только с Анталией этот номер никак не проходил, а отдыхать в другом месте мой спутник отказывался категорически. Ну и вот – я в самолете, а самолет в воздухе.

Спутник... Это была вторая причина, по которой я пыталась себя пожалеть. За два дня до поездки он сообщил, что обстоятельства складываются не совсем удачно, две недели совместного отдыха никак не получаются. Точнее, он пока не знает, когда именно сможет освободиться, а поскольку на месте «все схвачено, за все уплачено», то лететь мне надлежало пока одной и дожидаться своего ненаглядного на турецком берегу. Опять же одной. Ну, правильно: я же говорю, что нельзя иметь все сразу. А я в данный момент имела почти готовый нервный припадок.

Почему самолеты падают, я понимаю. Они железные, тяжелые, а земного притяжения пока никто не отменял. Но вот почему они летают... Убей меня бог, не понимаю. Ведь даже крыльями при этом не машут, собаки страшные. Только ныряют беспрерывно в какие-то воздушные ямы – еще одна неразрешимая для меня загадка, какие ямы могут быть в воздухе? Господи, меня сейчас стошнит!

– Вам плохо? – услышала я голос над ухом.

Не открывая глаз, я сделала слабое движение рукой, которое можно было трактовать как угодно. Но потом здравый смысл пересилил, и я взглянула на неизвестного доброжелателя. Ну, конечно, попутчик по классу, почти брат по разуму. Кроме нас с ним в первом классе авиалайнера компании «Аэрофлот» никого не было. Глупо же платить в два раза больше только за возможность комфортно вытянуть ноги и иметь отдельный туалет целых три часа подряд. Нормальные люди прекрасно обходятся. Лично я бы удавилась платить, но меня никто и не спрашивал, просто прислали билет. А халява – она халява и есть.

– Что-то мне не по себе, – пролепетала я, пытаюсь выглядеть более или менее достойно. – Укачивает, наверное.

– Бойтесь летать? – проявил чудеса сообразительности мой попутчик.

– Это еще мягко сказано, – не стала я отрицать очевидное. – Лечу, между прочим, первый раз в жизни. Обратно пойду пешком.

– А у меня есть лекарство от страха! – сообщил попутчик. – Я без него и не летаю никогда. Боюсь.

Тут уж я взглянула на него внимательно. Вот никогда бы не подумала! Вполне спортивного телосложения мужик, а не какой-нибудь «балетный мальчик», почти военный разворот плеч, руки опять же не точеные, как это теперь сплошь и рядом встречается. Ему бы прическу попышнее конечно, но зато волосы отступают со лба, значит – умный. Боится он, как же! Просто кадрится, наверное.

– Серьезно, – продолжил он. – Боюсь. Без пары рюмок не взлетаю, без трех – не сажусь. Сейчас еще перелет короткий, а то бутылки не хватает. Накапать вам?

– Накапайте, – вздохнула я. – Только учтите, пьянею быстро и с непредсказуемыми последствиями. Готовы за них отвечать?

Вместо ответа попутчик отправился к своему креслу и вскоре вернулся с двумя стаканами. Если у него это называется рюмкой... Хотя с его габаритами вполне можно и из тастика пить.

– Тут с кока-колой, не волнуйтесь, – прочитал он мои мысли. – Сейчас накатим с вами, потом покурим...

– Это вряд ли, – вздохнула я. – Некурящий рейс. Придется терпеть до Анталии. Нет, обратно только пешком...

– Зачем же терпеть? – изумился мой собеседник. – Пойдем в багажный отсек, подымим.

– А если заметят?

– Первый класс?

Интонацию этого вопроса нужно было слышать. Я постепенно начинала понимать, что определенные плюсы в моем положении имеются, и что деньги, пусть и не мои, были заплачены не зря. Что-то за них все-таки можно было получить. Хотя бы возможность не отказываться от старых пороков. Новые-то еще когда появятся! Соскучишься дожидаться.

– Ваше здоровье! – протянул мне стакан попутчик. – Меня, кстати, зовут Алексей. А вас?

– Вика, – отозвалась я. – То есть Виктория. Очень приятно.

– Взаимно. Не слишком слабо?

– В каком смысле? – слегка оторопела я и сделала глоток.

– Нет, в самый раз, – деловито заметил Алексей, вполне адекватно отреагировав на мое остановившееся дыхание и выпученные глаза. – Нормально подействует.

– Главное – быстро, – согласилась я. – И наверняка. Учтите, меня вроде бы должен встречать шофер на машине, но его еще нужно опознать. У вас там случайно кока-колы не осталось? Разбавить...

На мое счастье, кока-колы было вполне достаточно, так что определенную ясность ума я в процессе перелета все-таки сохранила. Но страх действительно прошел, а может быть, я просто забыла, что нахожусь не на земле, а на высоте десяти километров. Впрочем, такая высота, по мнению Алексея, была как раз правильной: летальный исход при падении гарантирован. Ну, все верно: лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас.

Впрочем, свою роль сыграла и возможность всласть подымить. В багажном отсеке, куда мы спустились, было оборудовано что-то вроде мини-курительной: стул, табуретка, банка с водой. Чужие здесь явно не ходили, а свои были желанными гостями.

– Я последние три года постоянно мотаюсь по всему свету, – разоткровенничался Алексей в ответ на мои восторги. – По-моему, всех стюардесс на всех международных линиях уже в лицо знаю. Такса везде одинаковая – десять баксов – и никаких проблем. Захотел бы сюда девочку позвать, тоже никто бы не возражал.

– Можно считать анонсом? – осведомилась я.

Алексей радовался этой незамысловатой шутке минуты три, не меньше. С чувством юмора у меня все в порядке, но такого эффекта я все-таки добиваюсь крайне редко.

– Ну, с вами не скучно, – подытожил он, отсмеявшись. – А если бы я действительно вас куда-нибудь пригласил? В ресторан, например?

– Прямо здесь? В самолете?

На этот раз веселье продлилось не меньше пяти минут. Приятно все-таки иметь дело с благодарной публикой!

– Вы где намерены остановиться? – осведомился, наконец, Алексей, утирая слезы смеха. – В смысле, в каком городе? Анталия большая...

– В Кемере.

– Надо же! У меня дела именно в этом городе! Вот уж повезло так повезло.

– Это как сказать, – философски заметила я. – Я ведь не одна отдыхать собралась, не завтра, так послезавтра мой драгоценный прибудет.

– Муж?

– Можно сказать и так.

– И я женат.

– Еще одно удачное совпадение, правда?

– Ну, вообще-то я женат только по паспорту...

– В каком смысле? – пытаюсь скрыть усмешку спросила я.

Между прочим, «взаправду женатый» мужчина сейчас – большая редкость, особенно в дороге, командировке и на всевозможных приемах и презентациях. Обручальные кольца носят единицы – и то потому, что драгметалл намертво сросся с куда более драгоценной плотью. Брак для таких, как правило, «ограничивается фиолетовым штампом в паспорте», а супружницы живут собственной жизнью и ни хрена не понимают в его тонкой, ранимой и ищущей душе.

Вот объясните мне, кому на фиг такие браки нужны? Вот и я не знаю. Парадокс же заключается в том, что именно эти браки и оказываются самыми прочными. Ибо поскольку людей ничего не связывает, то им и развязываться как бы ни к чему.

– Да в самом прямом. У жены свой бизнес, вижу я ее вечерами, да и то не каждые сутки. Пока сын учился в школе, все еще как-то более или менее нормально крутилось. А отправили его в Швейцарию – только я свою Анну и видел...

Услышав это имя, я мысленно вздрогнула. Почему – объясню чуть позже, если понадобится. А может быть, сами догадаетесь, задачка нехитрая.

– Вот, вожу с собой фотографию: ее и сына. А то, боюсь, забуду, как выглядят.

На фотоснимке была очень эффектная смеющаяся черноволосая женщина, обнимающая за плечи мальчика лет двенадцати, который тоже весело улыбался.

– Редкая, между прочим, фотография. Давненько уже вместе не собирались. Семья...

– Почему же не разводитесь? – с неприличной прямоотой спросила я.

Да хрен бы с ней, с тактичностью! Во-первых, я уже выпила, а во-вторых, может, я этого самого Алексея больше никогда в жизни не увижу. Так хотя бы пойму великую загадку этих фиктивно-нерушимых браков. Хотя об ответе, точнее, его содержании, я в принципе догадывалась.

– Да все как-то времени не хватает. Это же нужно себе новую квартиру искать, какие-то там еще юридические формальности, ее бизнес с моим связан непосредственно, значит, опять заморочки, разборки, дележка пирога.... Но собираюсь, собираюсь. Хотя... жалко мне ее, все-таки почти двадцать лет вместе, можно сказать – друзья.

Господи боженька милосердный, почему они все говорят одинаковые тексты? За что они жалеют своих жен, с которыми (если им верить, конечно) практически и не живут?

– А вы, как я понимаю, находитесь, примерно в том же положении, – «перевел стрелку» Алексей. – Ваш «можно сказать муж» чем занимается?

Вот на этот вопрос так сразу я ответить была не готова. Поэтому смогла сказать только одно слово:

– Бизнесом.

Очень кстати появилась стюардесса и извиняющимся тоном попросила на какое-то время занять места согласно купленным билетам. Самолет, видите ли, входит в зону турбулентности, так что разумнее сесть в кресло и пристегнуть ремни. Хорошо еще, что девушка не рассказала анекдот в тему: то ли постеснялась, то ли просто не знала.

Анекдотец, кстати, забавный. Тоже в самолете и тоже стюардесса просит пассажиров перестать шляться по салону, сесть и пристегнуть ремни, а то в прошлый перелет не пристегнутых прямо по стенкам салона размазало. «А пристегнутые?», – спрашивают у нее. «Ну, те как живые сидели...»

Болтало наш лайнер действительно прилично, так что я отхлебнула еще немного успокоительного от щедрот своего попутчика и попыталась отвлечься, благо и попутчик впал в полудремотное состояние. Ничего лучше для этого отвлечения, кроме мыслей о своем «можно сказать муже» я не нашла, так что эти мысли и стала думать, прикрыв глаза.

Сказать-то можно действительно все. А на самом деле? На самом деле никаким замужеством тут и не пахло, имел место банальный роман молодой женщины с женатым мужиком. То есть сюжет пошлый до неприличия. Даже на прогрессивном Западе такого мужчину постеснялись бы назвать «бой-френдом». Любовник – он любовник и есть.

– Виктория, вы в порядке? – услышала я голос над ухом.

Пришлось от мыслей оторваться и открыть глаза. Неужели при мысли о моем драгоценном я в лице меняюсь или зеленею? Вот было бы забавно! Теоретически-то я в него влюблена.

– В порядке, – вздохнула я. – Как, по-вашему, эта зона турбулентности когда-нибудь закончится? Не воздушная трасса, а сельский проселок с выбоинами и колдобинами. Ну вот, очередная яма... За каким чертом понесло меня на эти галеры?

– Скоро посадка, – утешил меня Алексей. – К морю подлетаем. Будем на месте без чего-то полночь.

– То есть там совсем темно будет? – переполошилась я. – Как же меня шофер узнает?

– Ну, допустим, в аэропорту-то светло. У них, кстати, он покруче будет, чем в Шереметьево. Пару лет назад отгрохали. До этого-то тут сараюшка в чистом поле стояла, полный бардак, одним словом. Да и перестаньте страдать по шоферу! Мой в случае чего довезет в лучшем виде, нам же по дороге. Вы в каком отеле бронировались?

– Сняли квартиру, – превозмогая слабость и вялость организма отозвалась я. – Адреса не знаю, шофер в курсе. Мне объяснили – буквально в двух шагах от пляжа, рядом с самыми дорогими отелями.

– Значит, и шофера сыщем, невелика проблема! В крайнем случае, на ночь номер снимите, позвоните вашему «можно сказать мужу», получите необходимую информацию.

В общем-то, все правильно, только звонить я не могла. Весь период нашего романа звонили только мне, поскольку мой звонок мог не вписаться в коловращение чужой жизни. Жена, скажем, могла оказаться в непосредственной близости. Или полным ходом шло производственное совещание. Это все мне объяснили раз и навсегда, а я, в принципе, девушка смышленная, многие вещи с полпинка усваиваю.

– Как у вас все просто, – вздохнула я. – Заранее готов ответ на все вопросы. Вы случайно не в туристическом бизнесе заняты?

– Случайно не в нем. И совсем не случайно – в страховой компании подвигаюсь. Юридическое образование пригодились и опыт прежней работы.

– Какой прежней?

– Вот я вам скажу, а вы после этого со мной общаться вообще не захотите.

Ну, если он решил вызвать во мне любопытство, то лучшего способа просто не мог придумать.

– Ну а все-таки? Юристы – тоже люди, чего бы с ними не общаться?

– Так я несколько лет назад еще работал в милиции. В отставку ушел подполковником, как только стаж наработал.

– Ну и что? – не поняла я. – С каких это пор подполковники милиции у нас считаются персонами «нон грата»? Даже после отставки?

– Не знаю, – пожал плечами Алексей. – Но дамы, которые об этом узнают, реагируют совершенно одинаково: прекращают со мной всякие отношения.

Интересно, что это ему за дамы такие попадались? Хотя, впрочем, от нашего общества чего угодно можно ожидать. То считают слово «милиционер» синонимом слова «идиот» и вообще почти ругательством, то снимают сериалы из жизни так называемых «ментов», мимоходом производя их в национальные герои.

– А зачем вы сейчас в Турцию собрались? Там-то что страховать можно? Своих агентов нет?

Алексей посмотрел на меня с веселым недоумением.

– Вы что, действительно не понимаете? Сейчас полно русских, которые там обзаводятся недвижимостью: покупают или сами строят. Турецкая страховка – это само собой, но и у себя нужно подстраховаться. Пардон за дурацкий каламбур, конечно. Вот меня и посылают посмотреть на месте, что там имеется: пятизвездочный отель или халупа в горах, которую пытаются застраховать на сумму первого варианта. С местными-то такие номера не проходят. А с тех пор, как тут несколько пожаров произошло и пришлось компенсировать довольно крупные убытки, решили клиентам хотя и доверять, но на всякий случай проверять. Чтобы компания в трубу не вылетела с их фокусами.

В глубине души я искренне восхитилась нашими доморощенными «фокусниками». Гениальная же действительно идея: купить сарайчик-развалюху, застраховать по полной программе и получить приличные деньги по страховке. Два-три захода – и готов новый миллионер. Вот уж точно: век живи – век учись.

– Не буду я с вами прекращать отношения, – объявила я уже вслух. – Такому человеку, как вы, цены нет. По любому страховому вопросу поможет. Будет, например, самолет падать, а вы меня – раз, и подстрахуете.

Алексей снова долго веселился, а потом сказал, что я размечталась и сегодня данный конкретный самолет никуда уже не упадет. Хотя бы потому, что вот-вот пойдет на посадку, а падения чаще случаются при взлетах. В глубине души я порадовалась тому, что не владела этой информацией в начале полета: тогда она была бы не просто бесполезной, а очень даже вредной. Для моей нервной системы.

Тут самолет действительно пошел на посадку, и это оказалось покруче любой воздушной ямы. Господи, как только окажусь на земле, тут же попрошу политическое убежище. Об обратном перелете даже думать страшно. Как это мой драгоценный полжизни исхитрится проводить в воздушных лайнерах? Да и этот, Алексей, каждую неделю туда-сюда мотается... Гвозди бы делать из этих людей... Все, больше не могу! Все...

Тут-то, судя по всему, наш лайнер и приземлился. Очень вовремя, должна сказать. Какое-то время он попрыгал по уже настоящим, а не воздушным ямкам и, наконец, затормозил почти у самого здания аэропорта. И все пассажиры дружно зааплодировали. Большой театр! Премьера! Шоу с варьете! Что они хотели выразить этими рукоплесканиями, не знаю и знать не хочу. Так ведь можно и машинисту в метро каждую остановку овации устраивать. С вызовом «на бис» за то, что довез в целости и сохранности, а мог бы этого и не сделать, если бы не повезло.

– Ну, сколько ни летели, все же сели, – довольно буднично прокомментировал Алексей. – Сначала найдем вашего шофера, потом будете багаж получать, а я поеду. У меня только кейс.

– А у меня только сумка, – отозвалась я, – вытаскивая из-под сидения свою нетяжелую поклажу. – Тоже предпочитаю путешествовать налегке. Так что багажа ждать не надо...

Аэропорт Анталии действительно поразил мое воображение сразу несколькими вещами. Во-первых, невероятной чистотой и блеском, такого я еще нигде не видела. Во-вторых, отсутствием какой-либо очереди к таможенному барьеру: в Шереметьево-то настоялась всласть. И, в-третьих, там опять нельзя было курить, а я уже испытывала острейшее никотиновое голодание.

В результате я вцепилась в рукав Алексея, который во всей этой обстановке оказался единственным более или менее знакомым предметом (не рукав, конечно, а его хозяин) и так доволочлась до стеклянной будочки, где мне за десять баксов поставили какой-то штампик в паспорте. У Алексея виза была чуть ли не бессрочной, так он мне, по крайней мере, объяснил, так что минуты через три он смог от меня отвязаться: прямо перед нами оказался плотный и смуглый коротышка, державший в руках дощечку с моим именем и фамилией.

– По-русски говоришь? – грозно спросил его Алексей.

Коротышка заулыбался и радостно замотал головой:

– Нет руско. Тюркче конушюрум.

Алексей ошарашено повернулся ко мне:

– Час от часу не легче! Неужели ваш... не мог найти нормального водилу? Они же тут уже через одного по-русски волокут вполне прилично. Мой, например. Ага, есть идея! Один момент, Виктория.

Алексей осмотрелся и начал усиленно махать кому-то рукой, призывая к себе. Его усилия не остались незамеченными: на призыв откликнулся здоровенный чернявый парень, который тут же припустился к нам.

– Керим, – вместо приветствия озадачил его Алексей, – давай, помоги тут немного. Леди по-вашему не понимает, а ее шофер только на нем и лопочет. Как им объяснить?

– Нет проблем, шеф! – обрадовался парень. – Сейчас все проясним.

По-русски он действительно шпарил почти без акцента, то есть так, как говорят у нас в Москве все смуглые граждане на базарах и в ларьках. Он обернулся к коротышке и о чем-то быстро и довольно эмоционально с ним переговорил, а потом доложил результат:

– Его зовут Одан. Он отвезет госпожу прямо к дому, ключи от квартиры у него. Если что-то не так, он немножко понимает немецкий.

– Проще на пальцах объясняться, – вздохнула я.

И ведь хотела в самолете посмотреть русско-турецкий разговорник, специально купила и положила наверх в сумке. Нет, вместо этого устроила банкет и кадржку. Теперь, соответственно, и получаю.

– Да все будет хорошо, – с жаром заверил меня Керим. – Одан отвезет вас в квартиру, все там покажет, а с утра пораньше сами разберетесь. У нас в Кемере каждый второй по-русски говорит или понимает.

Ну, мне, конечно, попался каждый первый. С другой стороны, не будет в дороге на разговоры отвлекаться – определенный плюс. Который раз говорю: нельзя иметь все сразу.

– Где госпожа должна остановиться? – поинтересовался Алексей у Керима.

– Да в новом доме, рядом с отелем, который только строится. Ну, в этом, где балконы на море выходят. Этаж третий, апартаменты тоже номер три. Блеск, а не квартира!

– Теперь я знаю, где вас найти в случае чего, – успокоил меня Алексей. – Между прочим, мое приглашение в ресторан остается в силе. Завтрашний вечер годится?

– А не боитесь, что я вас скомпрометирую? – осведомилась я. – Стукнет кто-нибудь законной супруге-то, что вы с посторонними дамами время проводите...

– Вряд ли она очень уж удивится, – довольно буднично отреагировал Алексей. – Не те у нас отношения, чтобы она ревность изображала. И потом когда еще ей кто-то что-то сможет рассказать: она сама завтра из столицы в командировку отправляется по своим делам. То ли в Сыктывкар, то ли в Тьмутаракань какую-то, не вникал, врать не буду. А свидетельские показания, не подкрепленные конкретными уликами...

– Ладно, уговорили, – сказала я, отсмеявшись. – Завтрашний вечер вполне годится для чего угодно. И как это будет выглядеть в плане встречи?

– Элементарно. Как стемнеет – зайду за вами, адрес знаю. Постарайтесь к этому времени быть уже дома.

– Вряд ли я буду одна по вечернему городу бегать.

– Кемер – это не Москва, в нем и глубокой ночью можно в бриллиантах по улицам в одиночестве разгуливать. Они берегут туристов, это же верный кусок хлеба, а сезон вообще весь год кормит. Ну, значит, завтра после восьми. Форма одежды парадная. Заметано?

– Заметано, – протянула я ему руку для прощального пожатия.

Тут Алексей меня сильно удивил: руку он мне поцеловал, причем не без изящества. Что-то в его, как бы он сам выразился, «показаниях» не срастлось. Милиционеры, даже подполковники, руки дамам обычно не целуют. И в рестораны не приглашают: наоборот, норовят сами в гости напроситься, причем непосредственно в вечер знакомства. Куют, то есть железо, не отходя от кассы.

В общем, если он и «мент», то неправильный и нестандартный. Впрочем, какое мое дело! А до завтра еще надо дожить. К тому же вдруг произойдет невероятное и мой драгоценный прилетит уже завтра. Вот будет интересно! Ничего, в другой раз трижды подумает, прежде чем нарушать обещания и отпускать подругу одну в неведомую даль.

Мы с Алексеем разошлись по своим машинам и через три минуты я уже наслаждалась несколькими приятными вещами сразу. Во-первых, в машине был кондиционер, и ощущение липкого жара, охватившее меня при выходе из здания аэровокзала, бесследно исчезло.

Во-вторых, предусмотрительный Одан предложил мне запотевшую от холода банку пива и жестами показал, что курение в салоне машины отнюдь не возбраняется. Ну и, наконец, я наслаждалась ночным пейзажем: дорога долгое время шла параллельно морскому берегу, над морем висел ярко-желтый серп луны и во все стороны от него небо было буквально усеяно звездами.

В жизни не видела подобной красоты и только теперь поняла Ахматову, которая назвала месяц «алмазной фелукой». Тут он действительно был похож на драгоценную восточную лодку, плавно скользящую по волнам. Дух захватывало от такого зрелища, только ради этого можно было терпеть весь кошмар перелета. А помимо этого где-то высоко-высоко в горах я углядела горсточку ярких огней и, показав на нее Одану, спросила, мобилизовав свой скудный запас «хох-дойча»:

– Вас ист дас?

Однан ответил довольно длинной фразой, из которой я поняла только два слова «ресторан» и «высоко» (вот где пригодилось знание выражение «хенде хох!»). Из чего я сделал вывод, что там, на огромной высоте, размещается какой-то кабак. Интересно, много ли охотников забираться туда на машинах, и как они доставляют провизию? Впрочем, их проблемы, не мои.

Час в машине – это много или мало? В Анталии для меня он пролетел, как один миг, очнувшись я тогда, когда автомобиль въехал в ярко освещенный и совсем не безлюдный, несмотря на поздний час, город. Уличные кафе полны людей, многие магазины еще работали, гуляющие весело гомонили. Да, пожалуй, в таком городе ночью не страшно, скорее, наоборот. Я вспомнила жутковатый центр родной столицы, совсем страшные безлюдные ночные окраины и мысленно поблагодарила того, кто дал мне возможность хотя бы две недели провести в другой обстановке.

Машина немного покрутилась по нешироким улицам и остановилась в переулке возле нового жилого дома. С другой стороны высилась темная масса какой-то новостройки. Я понадеялась, что окна моей квартиры все-таки будут выходить в другую сторону. И ошиблась совсем ненамного.

Одан, непрерывно что-то объясняя, помог мне поднять сумку на третий этаж, отпер дверь одной из двух выходящих на площадку квартир и широким жестом вручил мне ключ. Но не ушел, а зашел вместе со мной – и очень правильно сделал. Без его в полном смысле слова наглядных объяснений я бы сама не скоро отыскала выключатели, регулятор кондиционера и прочие бытовые подробности.

Наконец, он откланялся, а я занялась уже самостоятельным обследованием помещения. И чем дольше я с ним знакомилась, тем яснее понимала, что две недели проведу если не в сказочных, то в совершенно потрясающих условиях.

В наши традиционные московские стандарты эта квартирка никаким боком не вписывалась. Сразу за входной дверью начиналась гостиная: огромная комната, уставленная обитой белой кожей мягкой мебелью, полированными столиками и шкафчиками с какими-то безделушками, устланная коврами, по которым были разбросаны и расставлены всевозможные пуфики и пуфы, с телевизором, музыкальным центром и даже компьютером на каком-то подобии стола. Тоже, кстати, полированном и чуть ли не с инкрустациями.

В одной из стен была ниша, которую я сначала приняла за зеркало, но которая при ближайшем рассмотрении оказалась сквозным проемом в кухню. Там тоже было все, о чем только можно мечтать: холодильник, плита, посудомоечная машина, стиральная машина, полный комплект посуды, которой хватило бы на дюжину гостей. Я открыла холодильник и ахнула: ассортимент напитков, закусок и даже каких-то непонятных пока коробочек и пакетиков мог потягаться с любым московским мини-маркетом.

Из гостиной две двери вели в спальню и ванную комнату. Но вот в последней шику было поменьше. То есть ванны, как таковой, там не стояло, а душ был устроен просто в выложенной кафелем нише. Остальные удобства тоже присутствовали, но даже для видимости не отделялись никакой занавеской. По-видимому, предполагалось, что помещение это – сугубо личное, для посторонних глаз не предназначенное и поэтому может быть оформлено в сугубо спартанском стиле. Или просто денег на сантехнику пожалели, что, в принципе, можно было понять.

Ну, а спальня – она и в Турции спальня: кровать во всю комнату, с атласным покрывалом и бездной подушечек, зеркальный шкаф во всю стену, кресло в стиле роккоко или как его там, и туалетный столик у окна выходящего... черт побери, конечно, на стройку!

Интересно, во сколько здесь начинается рабочий день? Впрочем, все равно спать придется при закрытых окнах и кондиционере: даже ночью температура здесь, говорят, в августе не опускается ниже двадцати пяти – двадцати-семи градусов.

Тут меня посетила догадка, что такой вид открывается и из гостиной. Я вернулась туда и открыла стеклянную дверь, надо полагать, на балкон. Шагнула наружу – и ахнула вслух.

Это был не балкон, а небольшая, метров эдак десять терраса с двумя креслами-шезлонгами, столиком и невероятным количеством цветов и растений. Но ахнула я, конечно, не от этого: передо мной открылся сказочной красоты вид на море. Точнее, на бухту, на берегу которой расположился город. Справа сверкал огнями отель, перед которым явно был приличных размеров бассейн, а еще чуть подальше – сотни огоньков, происхождение которых я определить пока затруднялась.

Но горизонт был заполнен морем, абсолютно на данный момент спокойным, по которому бежала золотистая дорожка месяца. Сон Шехерезады. Тысяча вторая ночь – и я в самом центре этой фантазмагии. Только ради этого вида стоило так мучиться в самолете...

Телефонный звонок я услышала далеко не сразу, хорошо еще, что сумка с мобильником была в гостиной, а не в спальне. Звонить мог только один человек, мой неизбежный, Олег, поэтому естественно, что именно его голос я в трубке и услышала:

– Как добралась, малыш?

– Самолет довез, шофер встретил и в апартаментах разместил, – бодро доложила я. – Сказка, а не квартира. Многое упускаешь, между прочим.

– Догадываюсь. Но – дела, черт бы их побрал, дня три тебе придется там поскучать одной, по-другому никак не получается.

Скучать? В таком месте?! Да я еще вообще ничего не видела, в море ни разу не окунулась, по городу не прошлась, в ресторан с новым кавалером не закатилась. Скажет тоже – скучать. И потом три дня – это все-таки по-божески, это не неделя, как предполагалось при последнем разговоре, в Москве

– Жаль, – лицемерно вздохнула я. – Сижу вот на балконе, люблюсь морем, о тебе думаю. Завтра с утра пораньше пойду поплаваю.

– Поосторожнее там с местными кавалерами. Говорят, они очень на наших блондинок западают. И много наличных с собой не носи, особенно на пляж.

– Слушаюсь и повинуюсь, о повелитель, – вздохнула я. – Я, правда, шатенка, хотя и светлая, но буду предельно осторожна. Объясни только, зачем мне на пляже наличные.

– Там все платное, глупыш. Шезлонги, напитки, развлечения. Сними завтра с карточки баксов пятьдесят, обменяй на местные, на пару дней хватит. Если, конечно, не станешь золото и меха покупать.

– Без тебя ни в коем случае не стану, – абсолютно честным голосом ответила я.

Ничего подобного я покупать не собиралась в принципе. А помимо кредитной карточки я прихватила с собой кое-какую собственную наличность. По опыту знала: вполне может пригодиться. Приступы купеческого размаха чередовались у моего драгоценного с припадками внезапной прижимистости, чтобы не сказать – скаредности. На одно свидание он мог запросто явиться с бутылкой дорогущего французского вина и коробкой не менее дорогого шоколада, а на следующее приехать с абсолютно пустыми руками и ясными глазами. Как я ни старалась, логики в его поведении обнаружить не могла, а потом и искать перестала.

– Да, еще одна маленькая просьба. Зайди на почту, она там одна на весь город, получи пакет на свое имя.

– Какой пакет?

– Плоский, – с долей раздражения ответил Олег. – Кое-что мне не с руки через таможенные барьеры тащить, я еще неделю назад это на твое имя отправил.

– Хорошо, получу, и что?

– И ничего. Положи в сумку, принеси домой и куда-нибудь положи. Лучше подальше, чтобы никому глаза не мозолил. Спрячь куда-нибудь, проще говоря. Все вопросы потом, это не телефонный разговор.

– Ну... хорошо.

– Умница. Ну все, малыш, мне пора. Часто звонить не буду, лучше сразу приеду.

– Сюрприз будет, – согласилась я.

– Веди себя хорошо.

Я согласилась и с этим пожеланием, на чем разговор благополучно и закончился. Я посмотрела на часы: два часа ночи, однако, а у меня сна – ни в одном глазу. Что ж, значит, посидим, покурим, морем полюбуемся. Я вытащила из холодильника банку с тоником и прикинула, где тут должен находиться мини-бар. Вроде бы в Турции спиртные напитки не запрещены, это не Саудовская Аравия и даже не эмираты.

Как я и думала, бар оказался в тумбе под телевизором, а в ассортименте напитков – симпатичная бутылка джина «Бифитер». Моя любимая марка, между прочим. Так что жизнь

определенно налаживалась. Кто бы мог подумать, что отпуск я буду проводить в таких условиях? Год тому назад мне светила максимум горящая путевка на какой-нибудь занюханный курорт, хоть бы и в той же Турции. Это при условии, что я решилась бы лететь одна. Но чуть меньше года тому назад я познакомилась с Олегом...

Глава вторая. Воспоминания и комментарии к ним

В то время, когда судьба сделала мне такой шикарный подарок, я уже больше полугода тихо жила одна, в смысле без каких-либо сердечных привязанностей. Перед этим была робкая попытка наладить свою личную жизнь и я некоторое время довольно регулярно встречалась с милым молодым человеком, которые первое время был действительно очень мил, то есть приглашал меня и в ресторан, и в театр, и на прогулку по какому-нибудь красивому парку. После чего, естественно, у меня ночевал, а утром, хорошенько выспавшись, отправлялся куда-то заниматься компьютерным дизайном.

Но месяца через три общение как-то плавно свелось к телефонным звонкам и одной встрече в неделю, причем происходила она у меня в квартире. Тем не менее, любая попытка выйти в свет без его сопровождения немедленно каралась бурной сценой ревности, выяснением отношений и прочей ерундой.

Терпения у меня хватило ровно на два месяца, и аккурат под Новый Год я приняла решение: довольно. Замуж я вообще пока не собиралась, тем более – за этого компьютерного гения, а проводить шесть вечеров из семи в одиночестве... ну, извините. Так что предложение встретить праздник у меня, «тихо, по-семейному», стало последней каплей и я от этого предложения отказалась. Равно как и от продолжения наших отношений.

Сначала отставленный поклонник еще звонил и пытался «все уладить», но взаимопонимания мы так и не нашли и звонки прекратились. После чего я и осталась одна, но зато без каких-то обманутых ожиданий, и всерьез занялась своей карьерой, полагая, что «любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь». Надо сказать, я не ошиблась и любовь нагрянула абсолютно нечаянно. Во всяком случае, не там и не так, как мне чаялось.

– У тебя до сих пор нет электронной почты? – изумилась как-то одна из моих коллег. – Ты дико отстала от жизни, это же так удобно – иметь Интернет. Можно не только тексты пересылать, но вообще получить массу удовольствия. Самые свежие новости, прогноз погоды, сайты всякие занятные. Поставь, не пожалеешь.

Идея с Интернетом мне понравилась. Объявлений о мгновенном и дешевом подключении была масса, так что я выбрала первое попавшееся и очень скоро новая игрушка стала совершенно неотъемлемой частью моей жизни.

Вдоволь наладившись по всевозможным сайтам, я решила попробовать найти себе друга по переписке. Благо и такие услуги Интернет обеспечивал. Правда, приходилось заполнять что-то вроде анкеты, в том числе, и с указанием возраста, что было не слишком-то приятно.

Само же объявление было предельно простым: «Ищу друзей для интеллектуального общения». В действенность этой авантюры я не верила ни капельки, но... почему бы не попробовать? Теперь это, оказывается, модно: народ не только переписывается и общается во всяких чатах, но и по-настоящему знакомится, влюбляются и даже женятся. Правда, в Интернете же, как бы понарошку, но все равно – занятно.

Изумлению моему не было предела, когда на следующий вечер в моем почтовом ящике оказалось аж пять электронных сообщений. Правда, интеллектуальное общение по переписке привлекло только одного из пяти (он жил не в России и в ближайшее время сюда не собирался), остальные же намекали на разумность личного знакомства и просили прислать фотографию в качестве залога такового знакомства.

Как послать фотографию по Интернету, я, во-первых, понятия не имела, а во-вторых, просто не собиралась этого делать. Поэтому ответила только на письмо заграничного корреспондента, тем более, что в отличие от остальных, оно было написано хорошим языком и без ошибок. То есть база под интеллектуальную переписку как бы имела.

Второй день принес еще полдюжины писем-предложений о встрече, причем некоторые, признаваясь, что им – где-то в районе двадцати лет, довольно точно описывали, как они себе эту самую встречу представляли. Ни «Эммануэль», ни «Основной инстинкт» в перечень любимых мною фильмов не входили, поэтому я и отвечать не стала, разумно рассудив, что любители такого досуга уж как-нибудь себе партнершу сыщут.

А на третий день было только одно новое письмо, не считая прелестного описания заграничного корреспондента особенностей места его нынешнего проживания. И в этом новом письме мужчина, назвавшийся Александром, написал то, что меня каким-то образом «зацепило».

«Здравствуйте, Виктория!

Мне ужасно понравились Ваши ответы на дурацкие вопросы анкеты на сайте. Я не решился сам там «повеситься», потому что отвечать во всех этих реквизитах всерьез – это полный идиотизм (я имею в виду – для мужчины), а написать так, как Вы – я бы, наверно, не сумел. Ну, а строить там себе помпезный мемориал с архитектурными излишествами (наполовину закрытыми рекламными щитами с изображением себя, любимого) в виде сочинения на свободную тему «Какой я хороший и удивительный!!!» и выставлять его для всеобщего обозрения – вот это, по-моему, всем дуракам дурь...

Мне 40 лет, я женат и в настоящее время в среднем темпе метаморфизирую в холостое состояние. Поскольку я ярко выраженный Стрелец (со всеми положительными и особенно отрицательными качествами, чертами и повадками), то мне совсем плохо без тепла и общения с доброжелательным человеком.

Я не занимаюсь поисками любовницы и ни на что особенное не претендую. Полагаю, что я достаточно воспитан для того, чтобы не навязывать свое общество даме, если она не высказывает восторга по данному поводу. И конечно, я вовсе не обижусь, если Вы просто не ответите.

Александр».

Я ответила. Больше всего меня заинтриговала таинственная фраза: «В настоящее время в среднем темпе метаморфизирую в холостое состояние». И еще понравилось, что человек, в отличие многих и многих не ищет любовницу, а просто хочет человеческого тепла. Это было так созвучно моему собственному тогдашнему настроению.

В общем, переписка завязалась: каждый день я находила в почтовом ящике новое письмо от Александра и аккуратно на него отвечала. Письма были прелестные, даже изысканные, написанные так, словно их готовили для печати. О будущем разговора не было, о личной встрече Александр и не заикался, наоборот. Просто писал о своих проблемах с максимальной степенью откровенности. И это тоже подкупало.

«Метаморфоза в холостое состояние означает лишь то, что мой брак, который вот уже лет пять не выходит за фиолетовые рамки печати в паспорте, хочет эти рамки разорвать и перестать быть браком. Я не знаю, почему мы поженились. Побудительные мотивы другого человека всегда представляются кристально ясными и понятными, и мне кажется, что моя жена вышла за меня замуж потому, что хотела этим наказать своего парня, который тогда от нее отвернулся. Я все это узнал и понял позже – я всегда догонял такие ситуации с трудом.

Нормальный человек сказал бы прямо: я хочу уйти, развестись с женой и построить свою жизнь заново. А я вот начал плести словесные кружева – не судите меня строго, я ведь по первому образованию филолог.

Мы с Вами, скорее всего, никогда не встретимся, поэтому мне проще загрузить Вас своими проблемами в письмо – в глаза я бы, наверно, это рассказывать не стал».

Я даже сама не поняла, в какой момент стала чувствовать к автору этих писем нечто большее, чем просто дружескую приязнь. Возможно, свою роль сыграло то, что мне отчаянно

нужно было выплакаться-выговориться, а делать это на людях я не люблю. А тут – мираж, фантом, электронное воплощение человека, которому можно написать все-все, например, о том, какая выжженная и мертвая пустыня прочно поселилась в моей душе. И получить в ответ сочувствующе-ободряющее:

«Разве в Вашей душе пустыня, Вика? Я скорее готов поверить в пепелище, но говорить, что на пепелище не растет ничего – это значит издеваться над здоровым смыслом. Да именно на пепелище и вырастает все еще зеленее, еще красивее и сочнее, чем раньше. Все сгорело? Значит высохло, значит пора было ему сгореть. Теперь пусть только упадет зерно, пусть только сверху капнет дождь – Вы и ахнуть не успеете (не успеете сказать: „Джек Робинсон“, как говорится в английских сказках), как все прорастет, зазеленеет и зацветет. Да Вы от одного запаха одуреете, как после стакана коньяка. Даже может и против Вашего явного желания. Но уж тогда будьте уверены – в полном соответствии с желанием тайным и невысказанным самой себе».

Роман в письмах развивался стремительно. Уже обоим было ясно, что и личная встреча состоится в самое ближайшее время. Уже обменялись телефонами и почти каждый вечер беседовали почти по часу: Александр специально задерживался на работе ради этих бесед. Иногда у него прорывалось совсем уж откровенное:

«Я все равно думаю о Вас, даже если не выражаю это словами, и самая частая мысль – а что же будет дальше? Не отвечайте, даже если Вы знаете ответ».

Что я могла ответить, если сама ничего не понимала? Всю жизнь я брезгливо сторонилась связей с женатыми мужчинами, считала это безнравственным, а для себя самой совершенно неприемлемым. И вот теперь веду долгие разговоры и переписываюсь на все более и более интимные темы с человеком, который женат – что бы он там ни говорил насчет пятилетней фикции этого брачного союза. Живет с женщиной в одной квартире, спит в одной постели, ведет, как говорится, совместное домашнее хозяйство. В этом раскладе я для себя места не находила. Судя по всему, Александр – тоже.

«Знаете, Вика, мне ведь очень хочется с Вам встретиться. И поцеловать мне Вас хочется не виртуально, а просто – так, как обычно целуют женщину, которая очень нравится. Я не знаю, что с нами будет. Меня останавливают мои нерешенные проблемы. Я не хочу забивать ими Вашу умную голову. Я дразню и себя и Вас, а мужчина так поступать не должен. Когда мужчина решает проблемы своей подруги, то это нормально и естественно, но вот совсем уж недостойно вешать на женщину свои заботы, пусть даже и косвенно. Мы обязательно встретимся, милая Вика, я придумаю, каким образом. Мне действительно хочется Вас увидеть».

Разумеется, мы встретились. Просидели несколько часов в маленьком кафе в центре. И поняли, что искали друг друга всю жизнь и просто чудом нашли. Нам вообще не хотелось расставаться в этот вечер, но оба понимали, что это нереально. Что придется ждать следующих выходных, чтобы провести вместе несколько упоительных часов. Но все равно оставались электронная почта и телефонные разговоры.

«Очень хочется расслабиться, просто выпить немного вина и посидеть, ни о чем не думая. Мы когда-нибудь вообще в этой жизни сделаем это вместе, а? Но я все равно, даже в часы напряженной работы очень часто вспоминаю о Вас. Наши отношения перешли на новую ступень, виртуальная женщина обрела плоть и кровь, я гладил ее по щеке, я вдыхал запах ее волос, ее тело было совсем рядом, совсем близко. Я поцеловал ее – о, это было чудесно. И странно – я теперь не могу уже говорить с Вами так, как говорил раньше. Какой-то новый барьер вдруг возник между нами. Он совсем невысокий, я могу протянуть руку поверх него и коснуться Вас».

Нам было невероятно хорошо друг с другом, но когда я как-то предложила остаться до утра, а не уходить на ночь глядя, Александр сухо сказал, что это совершенно невозможно.

Пока. Пока он не готов просто хлопнуть дверью и уйти на ночь, чтобы потом врать и придумывать какие-то оправдания.

– Понимаешь, малыш, мы с женой прожили 20 лет, и за этот период было всякое. Понятно одно – прошлого не вернешь. Я беру на себя всю вину за то, что произошло, за то, что мы вот уже несколько лет перестали быть любовниками. Я понимаю, что на самом деле в этом всегда бывают виноваты двое. Мне совершенно не хочется вступать в обсуждения степени вины каждого – в конце концов, я мужчина и должен был эту ситуацию предотвратить. Но я проявил слабость, поплыл по течению, значит, виноват.

– Ты же сам только что сказал, что виноваты оба, – тихо заметила я.

– Я мужчина, значит, виноват больше. Но мы все же остаемся хорошими друзьями – по крайней мере, я. Что же касается жены, то она, вроде бы и понимает все, а с другой стороны, как только я делаю совершенно закономерный с моей точки зрения и с точки зрения здравого смысла шаг, – устраивает мне сцену. Вроде бы и объяснять нечего, уже не чувствуем друг к другу ничего...

– Ты в этом уверен?

– Увы! Можно подумать, что я что-то вроде ее заместителя на работе или мы с ней одного пола. Очень многие пары перестают быть любовниками после пары десятков лет семейной жизни. Но теплые, ласковые, нежные отношения все же остаются. У нас ничего уже этого нет. Но как только мой уход стал реальностью – начинается такой прессинг, как будто мы живем, захлебываясь сексом и счастьем, а тут вдруг я встаю и говорю: «Ну, все, я пошел...».

– Но это действительно не метод...

– Это не метод, это пример того, что как бы происходит, когда мы еще разговариваем друг с другом. И ведь оба понимаем, что порознь будет лучше обоим, что я не ее тип, что только совместная борьба за выживание могла нас соединить и держала вместе эти годы... Мне все же ее жалко...

– Почему? – изумилась я. – За что ее-то жалеть? Сам говоришь, она днюет и ночует на работе, получает в десять раз больше тебя, в общем, в жизни неплохо устроена. Нет?

– Она совсем одна в Москве. Мы ведь сюда только семь лет назад приехали. С работой ей просто повезло, а в остальном мне она иногда кажется маленьким ребенком в темном лесу. Уйду – а она с собой что-нибудь сделает... Уже намекала...

– Те, кто действительно собирается... ну, в общем, они об этом не говорят. Смахивает на шантаж. Да и зачем ей тебя терять: ты и продукты покупаешь, и стираешь, и гладишь, и квартиру убираешь и все починить можешь. Клад, а не муж.

– В том-то и дело, что фактически я ей не муж. Я тебя ощущаю своей женой, правда, правда. Но дело даже не в этом. Я хочу просто уйти. Уйти к себе самому, а не к кому-то. Я никогда не потребую у нее своей доли жилья и ни копейки денег, и жизнь свою я начну сначала. Но уйти на всю ночь к женщине я смогу только тогда, когда буду пусть не формально еще, но хотя бы физически свободен. Я буду просто никакой, если в перспективе у меня будет возвращение наутро домой, а там – какое-нибудь вранье? Это просто глупо. Прямо сейчас я не готов уйти.

– Дорогой мой, об этом никто и не говорит. Я совершенно не хочу покушаться на твои планы, твою свободу.

– Знаю, малыш. Думаешь, мне самому не хочется остаться здесь, совсем? Еще как хочется! Ты очень нежная, ласковая, милая... Моя супруга никогда не была щедра на нежности, даже словесные. Это мягко говоря. На самом деле, я даже сомневаюсь, знает ли она хотя бы некоторые из них? Хотя, опять же, это вина мужчины, который рядом с ней, меня то есть.

Два месяца спустя Александр сообщил, что подал заявление о разводе. Процесс таким образом пошел. Теперь нужно только снять какую-нибудь квартиру или комнату – и начать

жизнь сначала. С чистого листа. А через некоторое время у меня в квартире раздался телефонный звонок. Уверенный, даже очень уверенный женский голос попросил к телефону меня.

– Слушаю вас, – сказала я, не испытывая никаких тревожных предчувствий.

– Меня зовут Алла Сергеевна. Я жена Александра. И хотела бы поговорить с вами откровенно.

– Я слушаю вас, – тупо повторила я.

– Мне все известно о ваших отношениях, – ледяным голосом продолжила дама в телефоне. – Александр совершенно не умеет врать. Он может только недоговаривать. Вы, наверняка, в курсе, что мы подали заявление на развод. Так вот я разочарую вас, милочка: это произошло не потому, что мой муж рвется получить свободу и жениться на вас. И он прекрасно это понимает, потому что в противном случае сына он больше не увидит, а к мальчику очень привязан. Так что не стройте радужных планов.

– Но я и не думала о замужестве, – попыталась я защититься. – Нам просто хорошо вместе...

– Избавьте меня от лишних подробностей, – отчеканил голос в телефоне. – Мы разводимся для того, чтобы получить две квартиры вместо одной. Наш сын скоро вырастет, ему понадобится своя жилплощадь. Наш дом попал в план сноса, в ближайшее время это произойдет. А в нашей теперешней квартире формально будут жить две семьи, а не одна. Потом, когда квартиры будут получены, мы снова регистрируемся. Я не собираюсь быть разведенкой. Так что подумайте хорошенько, если какие-то планы строите. Мужа я вам не отдам. Могу на работу к вам прийти, порассказывать вашим коллегам, как вы семью разбиваете. Хотите?

– От меня-то вы что хотите? – устало спросила я. – Чтобы я прекратила отношения с вашим супругом?

– Хочу, чтобы вы четко представляли себе ситуацию. Возможно, какое-то время вы еще будете встречаться. Но Александр – человек увлекающийся, влюбчивый, вы далеко не первая его московская пассия. Меня эти глупости не интересуют, но наш брак всегда останется абсолютной объективностью, нравится вам это или нет. В любом случае, ночевать он должен дома, иначе сын заподозрит неладное, а психику мальчику я травмировать не позволю. Вы все поняли?

– Все, – отозвалась я. – Ваши интересы превыше всего и если кто-то на них посягнет, то пожалеет. Вы пойдете, как танк, и обязательно победите.

– Разумеется, – откликнулась моя собеседница и положила трубку.

И эту даму с ледяным голосом и абсолютным отсутствием эмоций Александр считает беспомощной девочкой-провинциалочкой, которая немедленно погибнет без него или наложит на себя руки? Что-то плохо в это верится.

А потом была неделя, без встреч и даже без разговоров по телефону, а в конце ее пришло письмо по электронной почте. Одно-единственное за всю неделю.

«Я глубоко виноват перед тобой, малыш. Но жизнь сложная штука. Ты и сама, наверное, почувствовала, что что-то происходит и происходит не так. Возможно, это пройдет и все восстановится. Но пока я должен взять тайм-аут и успокоиться. А главное, успокоить жену, которая, по-моему, держится из последних сил. Я нужен ей, а ты женщина сильная, за тебя я, в общем-то, спокоен. Прости меня и не грусти. Я обязательно как-нибудь тебе позвоню».

Интересно то, что я даже не заплакала. Все было понятно. Я помогла пережить сложный период, заполнила тот дефицит «человеческой теплоты», о котором Александр писал в одном из первых писем. А теперь у него другое настроение, другие дела, возможно, даже другая женщина. Все возможно.

«Ну, и пусть, – думала я тогда, ворочаясь без сна уже не первую ночь. – Навязываться я не собираюсь. Проживу. Странно, он считает, что я сильная женщина, а его мадам – белый,

пушистый, не умеющий жить зайчик. Каким секретом обладают такие женщины? Как им удастся замаскировать броню и гусеницы воланчиками и разными кружевами? И деликатность им неведома, прут напролом, как танки, действительно, через любую грязь. Я бы так не смогла...»

Конечно, я не наложила на себя руки и даже не особенно страдала: сама виновата, не связывайся с «женатиком». На какое-то время, правда, у меня несколько испортилось настроение, но я решила исправить это дело усиленной работой – на фирме и над собой. И тут судьба проявила свою знаменитую иронию.

Вот уж действительно, никогда не знаешь, где и что тебя ожидает. Нужно было расписать во всех цветах радуги работу одной косметической фирмы, недавно вступившей на российский рынок, но уже пользовавшейся услугами нашего агентства. Вот я и отправилась за кое-какой недостающей информацией и образчиками продукции к заказчику. А получила судьбоносную встречу, что-то вроде бонуса. Самое забавное – Олег абсолютно никакого отношения к этой фирме не имел, просто зашел к приятелю, по совместительству – директору фирмы.

Был прекрасный сентябрьский день, самое настоящее бабье лето. По этому поводу я достала совсем было убранный на зиму костюм бледно-сиреневого цвета, с умопомрачительно короткой юбкой. Согласна, что неудачные ноги нужно прятать, но мои нижние конечности к этой категории не относятся, растут не от ушей, а откуда положено и большинству людей со вкусом обычно нравятся.

К тому же я хорошо знала: правильно поданной внешностью в делах можно добиться куда большего, чем правильно подобранными словами. Если, конечно, иметь эти самые дела с мужчинами.

Когда секретарша ввела меня в кабинет к рекламному начальнику, я испытала хоть и слабый, но шок: помимо самого начальника, Сергея, с которым мы уже были знакомы, в кабинете находился еще один мужик, да какой! Он стоял спиной к окну, поэтому лицо я поначалу не разглядела, но поняла, что товарища Бог ни ростом, ни фигурой не обидел. Даже на высоких каблуках я едва доставала ему до плеча, а по ширине в оконный проем он только-только вписывался. Стивен Сигал местного разлива!

– А вот и Виктория! – как-то уж слишком обрадовался Сергей. – Нам как раз этой дамы не хватало!

– В смысле «виктории — победы» или конкретно меня? – уточнила я.

Не люблю недомолвок. Все должно быть ясно. Если Сереженька затеял игру в каламбуры, зайду в другой раз, а если просто мне обрадовался, то дело вполне даже может устроиться ко взаимному удовольствию. Вот тогда действительно будет виктория, в смысле победа.

– Во всех смыслах! – развеял мои опасения Сергей. – Контракт с вашим агентством готов, я подписал, дело за вами. Образчики продукции секретарша уже упаковала, они вас в приемной ждут. Ну, а мои лично пожелания: чтобы все женщины в нашей косметике выглядели так, как вы. И лично от меня – комиссионные. Первую кампанию вы провели просто блистательно, а премии, по-моему, так и не дождались.

– Восстанавливаете справедливость? – иронически спросила я.

– Можно сказать и так, – покладисто согласился Сергей. – Кладите конвертик в сумочку и перейдем к более приятным делам. Хочу вас познакомить со своим другом. Олег батькович, вот тебе и обещанная Виктория.

Вышеназванный Олег сделал два шага от подоконника ко мне и... облобызал мою руку по всем давным-давно забытым правилам хорошего тона, от чего я несколько даже опешила. Бизнес – не Версаль, у нас такие номера показывают редко.

– Ты обещал мне очаровательную женщину, – низким голосом произнес Олег, оторвавшись от моей трепещущей длани, – а пришла потрясающе красивая девушка.

Тут я обрела на какое-то время потерянный дар речи:

– Позвольте, что значит – обещал? Я, между прочим, не из агентства «Модель-эскорт» пришла, а несколько из другой фирмы.

– Вика, дорогая! – засуетился Сергей, поняв, что ляпнул. – Я же не в том плане обещал, что... а в плане, что обещал... то есть сказал...

– Позволь, я объясню, – тихо, но довольно властно вмешался Олег. – Я тут не по делам, мы с Сергеем – старые друзья, вот я и заглянул на огонек. По пути из Питера в Екатеринбург. Хотели с Сергеем тихо посидеть, а он говорит: «Подожди немного, придет очаровательная женщина, все сразу и отметим».

– Что – все? – решила я внести последние уточнения.

– Нашу встречу и ваш контракт, – улыбнулся Олег и эта улыбка решила дело.

Нечасто мне приходится встречать мужиков с такой фактурой и таким обаянием. Честно говоря, очень редко, а если совсем честно – первый раз в жизни. Был еще один, очень обаятельный, но там фактура подкачала. Впрочем, это совсем другая история и в очень прошедшем времени.

В общем, Сергей быстро свернул дела, меня подхватили под локоток и сопроводили к машине. Коробки с рекламными образцами было решено отправить в наше агентство, все равно я с таким количеством багажа в метро вряд ли бы влезла. Меня же подвели к новехонькой иномарке, за рулем которой уже сидел какой-то тип в кожаной куртке, надо полагать, шофер.

– Как тебе тарантасик? – спросил Сергей у Олега. – Сто тонн отдал и не жалею.

– Ровно половину ты отдал за ненужные навороты, – довольно равнодушно отозвался Олег. – У меня предыдущая марка, я доволен.

Нет, никогда мальчики не станут мужчинами! Никогда. Просто с возрастом их игрушки становятся все больше и дороже. Ну, иномарка, кажется «ауди», не больно я в этом разбираюсь. А эти еще одно «ауди» с другим сравнивают. Знатоки, однако...

– А вы на машине, Виктория? – повернулся ко мне Олег.

Я покачала головой:

– Станция метро – в пяти минутах ходьбы от моего дома. Ни пробки, ни проблемы резины, ни вопросы бензина меня не волнуют.

– Значит, домой я вас провожу. Если позволите, конечно. Давненько я в метро не катался.

– Ты что, старик, офонарел? – вскинулся Сергей. – Вызову вам дежурную тачку, домчат, куда надо. Это же надо додуматься – после кабака – в метро. Да вас и не пустят!

Это, надо полагать, был намек на то, что напьемся мы там в тапок. Ну, это вряд ли, хотя от пары рюмочек чего-нибудь легкого я бы не отказалась. И от дежурной машины отказываться не собираюсь: возможно, для Олега метро – большая экзотика, а для меня – суровые трудовые будни, которым не помешает легкое вкрапление праздника.

Сергей сел рядом с шофером, а мы с Олегом чинно расселись сзади на абсолютно пионерском расстоянии. Краем глаза я пыталась рассмотреть своего соседа, но никаких видимых дефектов во внешности не обнаружила. Он действительно здорово смахивал на Сигала, только вместо «хвостика» носил чуть менее экзотическую прическу «ежик». Так что мое сравнительно молодое и абсолютно на данный момент свободное сердечко затрепетало...

К концу же нашего как бы делового обеда я вообще была покорена. Олег оказался умным и – большая редкость! – остроумным собеседником, но и слушать умел неплохо. Вот этим искусством я, кстати, тоже владела, так что говорил, в основном, Сергей. Говорил и пил, пил и говорил, в результате чего через два часа мы погрузили его на прежнее место в машину, а бразды правления взял в свои руки Олег, который предложил шоферу такой маршрут: сначала он подбрасывает нас к офису Сергея и дальше мы решаем транспортную проблему сами, а он везет шефа домой. Работник из Сергея уже был никакой.

И как-то само собой получилось, что Олег, вообще пивший за столом только минеральную воду, повез домой меня на дежурной машине, наотрез отказавшись от услуг шофера. Свою

пару рюмок я, конечно, выпила, но себя, как говорится, соблюдала и была только чуть более разговорчивой, чем обычно. К моему дому мы подъехали уже почти друзьями, хотя и продолжали церемонно «выкать». И слава богу, терпеть не могу эту современную манеру переходить на «ты» со второй минуты знакомства.

– А вы обратную-то дорогу найдете? – сообразила я поинтересоваться, когда машина свернула в мои Богом забытые выселки. – Тут повороты нужно считать, иначе заблудитесь, все дома одинаковые.

– Разберемся, – усмехнулся Олег. – Я уже большой мальчик, как-нибудь найду дорогу к дому.

– Это точно, – согласилась я. – Мальчик большой. Даже очень.

– А вам нравятся маленькие мужчины?

Хороший вопрос. Такой я даже себе никогда не задавала. Как-то не приходило в голову измерять противоположный пол погонными метрами. Или квадратными.

– При моем росте мужчина вряд ли может показаться маленьким, – попыталась я увильнуть от прямого ответа.

– Но если вас так волнует судьба провинциала в Москве, давайте я вам позвоню, когда доберусь до гостиницы. Если, конечно, номер телефона дадите.

– Могу даже на чашку кофе перед этим пригласить, – расхрабрилась я.

Нравился он мне с каждой минутой все больше. Прелесть момента отравляло только то, что в Москве человек проездом, посему наше знакомство просто обречено на нулевой результат. С другой стороны... Нельзя же иметь все сразу: чтобы такой мэн, да местный.

Нет, я не собиралась ничего такого... Не в первую же встречу, действительно! Но перспективы совершенно одинокого вечера почему-то не вдохновляла.

– Пожалуй, хорошая идея. Даже очень хорошая: еще какое-то время провести в компании с красивой и умной женщиной.

Как говорится, вы будете смеяться, но мы действительно провели неплохие пару часов за кофе и разговорами. Олег оказался прекрасным рассказчиком, развлекал меня байками о северной столице, своих деловых партнерах и непростых с ними, партнерами, отношениями. К концу его визита я была практически в курсе строительного бизнеса, в том числе, и того, что, где и из чего выгоднее строить, с кем лучше дела не иметь по определению.

– Вы удивительная женщина, Виктория, – сказал вдруг Олег, прервав повесть об очередном недострое. – Вот моя жена этим абсолютно не интересуется. Ей совершенно безразлично, чем я занимаюсь, лишь бы деньги в доме были.

Я несколько скисла. Существование жены в общем-то предполагалось, и не это вызвало мою печаль. Грустно стало от того, что жена традиционно что-то недопонимала или не понимала вообще.

Таких историй я наслушалась столько, что могла бы уже составить антологию в двух томах, а включать туда Олега не хотелось. Не хотелось, но, судя по всему, приходилось. Точнее, придется. Так что это даже очень хорошо, что – не москвич. Иначе сагу о жене мне предстояло бы слушать с завидной регулярностью.

– Простите, Вика, но мне пора, – вдруг встрепенулся Олег. – Я и так много времени у вас отнял. Телефон-то дадите?

И он снова мне безумно понравился. Настолько понравился, что я несколько часов не могла заснуть, предаваясь не слишком девичьим грезам. Одного не могла понять: почему, блин, он не остался? Или при ближайшем рассмотрении я ему перестала нравиться? Или мысль о жене охладила – вдруг он из породы верных мужей? Редко, но случается.

Нет, он оказался из другой породы, куда более распространенной. Через день мне принесли роскошный букет цветов, просто позвонили в дверь и передали корзину с умопомрачительными розами. А еще через день в электронной почте обнаружилось сообщение с неиз-

вестным мне обратным адресом. Я прочитала послание и окончательно тронулась умом. Говорилось там примерно следующее:

«Милая Вика! Простите, что так быстро убежал, но мне вдруг слишком захотелось остаться, а я не мог и не желал оказаться в Ваших глазах эдаким залетным Дон Жуаном, который обязательно воспользовался бы благоприятной ситуацией. Вы очень красивая и невероятно привлекательная женщина. Через неделю я снова буду в Москве, кофе угостите?»

Думаю, легко догадаться, что я написала ему в ответ.

Он приехал. С цветами, огромных размеров коробкой конфет и флаконом дорожных духов. Кофе я его угостила. Остальное читайте в переводных дамских романах: там такие сцены описывают со вкусом и смаком страниц эдак пять. Я же в бессилии отказываюсь от такого соперничества.

Классно, в общем, все было. А потом стали намечаться некоторые проблемы. Не в первую встречу и не во вторую и даже не в третью, потому что тогда мы еще упивались новизной ощущений и взаимно получаемым кайфом. Тем более что Олег появлялся в Москве два-три раза в месяц и исправно водил меня развлечься и отвлечься во всякие интересные заведения, причем не из дешевых. Ну, и букеты-конфеты, само собой разумеется, и абсолютно упоительные ночи.

Заморочки начались где-то с третьего месяца, когда мы впервые никуда при встрече не отправились, а остались у меня. И, главное, когда разговор опять почему-то коснулся его законной жены. Звали ее Анной, была она лет на десять моложе Олега, естественно, она чего-то там недопонимала, само собой разумеется, самостоятельно не то чтобы жить – дышать не умела, и уж конечно всякие сравнения со мной исключались по определению. В смысле я была лучше. Только мне от этого лучше не стало.

А потом... повторилась старая история. Обещанные совместные выходы в свет поне-много сошли на нет, причем я даже не сразу это обнаружила. Понятное дело: влюбленная девушка, на мелочи внимания не обращает. Выяснилось, что у Олега решительно не стало хватать на это времени, да и в столице он появлялся хоть и нередко, но лишь по случаю командировок. То ли он был патологическим трудоголиком, то ли просто неплохо устроился со мной, я так и не могла понять. Да и не терплю, если честно, допрашивать мужчин на предмет «где был, с кем был, когда мы снова увидимся?» Был, где надо, с кем надо, увидимся, когда время будет – известное дело.

Любовником, повторюсь, он оказался потрясающим, а все остальное имело значение постольку поскольку: замуж я все равно в обозримом будущем не собиралась ни за него, ни за кого бы то ни было. Слава Богу, сейчас тридцатилетнюю женщину не записывают в разряд старых дев и не считают ущербной.

И не виновата я в том, что жизнь складывалась как-то по-дурацки: мужчины, за которых я теоретически хотела бы выйти замуж, мне предложений не делали, а за тех, которые такие предложения делали, я бы вышла только под общим глубоким наркозом с условием, что весь период совместной жизни в нем и останусь. Можете считать меня слишком разборчивой, но я с вами не соглашусь.

Зеркало пока предлагало мне довольно привлекательную картину: светлая шатенка с серыми глазами, ростом ниже среднего, а фигурой, наоборот, классом выше. И на лицо можно было смотреть, не вздрагивая, даже с раннего утра. Даже в услугах дантиста я пока не нуждалась, и в салонах красоты завсегдатаем пока не стала. В последние же два года все так удачно сложилось, что мне стала нравиться не только моя работа, но и те деньги, которые за нее платили.

Более того, мне нравилась даже квартира, в которой я жила, поэтому представить в ней кого-то еще постоянного я не могла. Равно как не могла серьезно думать о том, чтобы все эти любовно обихоженные квадратные метры бросить и к кому-то переехать. Хотя, кстати, в таких

вариантах недостатка не было, желающих принять меня к себе на постой, сдавая при этом мою квартиру находилось не меньше трех в квартал. Я же стойко держалась принципа: мухи – отдельно, котлеты – отдельно, квартирный вопрос не следует путать с любовью, а любовь – с браком. Которым хорошее дело, как известно, не назовут.

Справедливости ради должна сказать, что при всех несомненных достоинствах Олега, кое-что меня начало в наших с ним отношениях напрягать. Например, замечательная манера исчезать на неопределенное время после прекрасной совместной ночи. Во сколько бы мы с ним ни уgomонились накануне, в семь утра звонил будильник, Олег срывался с кровати и, наскоро проглотив чашку кофе, мчался по своим многочисленным делам. Каким – спрашивать не рекомендовалось, потому что ответа на такой вопрос я бы все равно не получила.

После этого я могла дня через три получить письмо по электронной почте с несколькими приятными словами, а могла две-три недели пребывать в абсолютной неизвестности, пока опять же не получала «извещение о прибытии». В такой-то день, таким-то рейсом, либо прямо ко мне, либо сначала на совещание.

И в любом случае моего драгоценного абсолютно не интересовало, как я провела дни или недели без него и нет ли у меня нужды в чем-нибудь, например, в велотренажере, о котором я давно мечтала. Немногочисленные попытки намекнуть на это успеха не имели, Олег дарил только то, что считал нужным и тогда, когда этого хотелось ему. То есть не слишком часто.

Не могу сказать, чтобы такая форма отношений приводила меня в восторг. Во-первых, я влюбилась, и как всякая влюбленная женщина жаждала более частого общения, хоть в каком виде. То есть, с моей точки зрения, можно было бы хотя бы иногда звонить и хотя бы сообщать о том, что жив, здоров и даже по мне соскучился. Впрочем, последнее я была согласна считать необязательным.

Но робкие намеки на это успеха не имели, равно как и более определенные высказанные пожелания. То ли Олег меня просто не слушал, то ли не желал слышать то, что я пыталась ему сообщить. А что касается моих предложений куда-нибудь пойти или хоть что-то изменить в сценарии наших свиданий, всегда натывалось на глухую стену непонимания или даже недоумения, и всегда отбрасывалось одним коротким словом «нет».

Через несколько месяцев я усвоила, что в устах моего любовника это слово означает окончательный, не подлежащий обсуждению приговор. Пойти со мной к подруге на день рождения? Нет. Выбраться в театр на нашумевшую пьесу? Нет. Не срываться с утра пораньше, а хотя бы проститься утром по-человечески – нет, нет, и еще раз нет. То есть для человека существовало только два мнения: его и неправильное.

Мне оставалось два варианта: послать его ко всем чертям и найти кого-то менее экстравагантного, или принять правила игры. И я уже совсем было склонилась к первому, приготовившись придушить свою влюбленность, как получила предложение, от которого не могла (да и не хотела) отказаться. Две недели на берегу Средиземного моря. Вдвоем. Без всяких дел и будильников. И для меня – совершенно бесплатно.

Сначала я решила, что это – такая шутка. Розыгрыш... Потом, конечно, выяснится, что эта замечательная идея не может быть реализована по целому ряду причин. И отнеслась к этой затее, соответственно, тоже несерьезно, пока... Пока Олег не прислал мне с курьером оплаченный билет в оба конца и кредитную карточкой со вполне солидной суммой денег на ней. Лететь мы должны были вместе, ну, в самом крайнем случае, встретиться в аэропорту Анталии, если жизнь и дела заставят Олега лететь не из Москвы, а из Санкт-Петербурга.

– Ты ведь этого хотела, малыш, правда? – спросил меня страшно довольный произведенным впечатлением Олег. – Две недели вдвоем, сплошные каникулы, дискотеки там, караоке, бары, казино... Ну, шубку тебе, конечно, купим или что-нибудь кожаное, элегантное. Опять же ювелирка там гроши стоит...

– А в какой гостинице мы будем жить? – спросила я, уже млея от роскошных перспектив.

– Я снял апартаменты, то есть отдельную квартиру. Дом рядом с пляжем, все удобства и минимум посторонних. Только ты и я. Ты рада?

Еще бы я не радовалась такой перспективе!

Ну, и что мне оставалось делать? Естественно, я стала внутренне перестраиваться, влюбленность уже не душила, а как бы даже наоборот – холила и лелеяла, готовилась к этой поездке, как к свадебному путешествию. В смысле, изрядно потратилась на всякие интимные детали гардероба, да и верхние вещи выбирала придирчиво и с удовольствием.

Потом Олег сказал, что, скорее всего, полетит из Санкт-Петербурга, потому что по-другому никак не выходит – дела. С этим я смирилась довольно легко: самолет, на котором должна была лететь я, отправлялся из Шереметьева в три часа дня, так что можно было без проблем добраться туда на метро и затем на автобусе или маршрутном такси.

Сумку я собрала не слишком увесистую, так что большим багажом обременена не была, да к тому же здраво рассудила, что полотенца и прочую ерунду вполне можно будет обрести на месте, в Кемере. Во всяком случае, в приличных гостиницах постояльцев непременно снабжают купальными халатами, простынями, мылом и шампунем. Как с этим обстояло дела в апартаментах, я не знала, но надеялась на лучшее.

Глава третья. Байяна руссо

Слава Богу, не возникло проблем с отпуском, поскольку в предыдущий год я им не пользовалась. У начальства хватило такта отпустить меня в августе, хотя чисто теоретически отдыхать я планировала в сентябре и даже скопила деньги на реализацию голубой мечты: недельную поездку по Италии. Об этой поездке я так мечтала, и так прожужжала всем уши, что девчонки на фирме уже слышать не могли о красотах Флоренции и экзотике Венеции.

И то, что я вдруг резко поменяла планы, а о предполагаемом времяпрепровождении отпуска в новом варианте не распространялась вообще, сначала было ими воспринято с нескрываемым облегчением. Потом, правда прорезалось исконно дамское любопытство, но я твердо держалась принятого образа загадочного молчания и лишь изредка роняла туманные обещания «все рассказать после приезда».

Молчала еще и потому, что где-то слышала совершенно невероятную историю о том, как одна одинокая дама съездила в Анталию, и что там с ней случилось. История, конечно, забавная, но напоминать ее коллегам мне не хотелось. Почему? Да потому что история эта... Ну, сами посудите.

Галина, женщина, о возрасте которых говорят неопределенно «за тридцать», собралась отдохнуть недельку в Турции. Модно, сравнительно недорого, а главное, можно будет небрежно обронить в разговоре с подругами: «Когда я была в Анталии...» Словом, сплошь положительные эмоции, куда ни кинь.

К тому же среди женского коллектива, в котором она трудилась, ходили упорные слухи о том, что стоит «белой» женщине очутиться на заграничном восточном курорте, как она тут же отхватит себе шикарного кавалера из местных. То есть турка. Которые, согласно тем же слухам, просто чумеют от русских красавиц и делают их отдых еще более приятным.

Откуда взялись такие слухи, непонятно. Тем более что и в Анталии побывали отнюдь не те, кто потом рассказывал все эти истории. Впрочем, никто и не выдавал их за личный опыт, просто начинали с таинственного: «Мне говорили...», а уж дальше все зависело от меры фантазии рассказчицы.

Тем не менее историям этим верили. Поверила и Галина, которая после десяти лет скучного-прескучного брака и пяти лет не менее скучного одиночества жаждала мужского внимания. Ничуть не меньше, чем жаркого солнца, ласкового моря и комфорта зарубежного отеля. Поверила – и стала собирать чемодан. Вещи отбирались под лозунгом: «Одеться так, чтобы было не стыдно раздеться».

Кто-то, возможно, обвинит женщину в распушенности: а как же любовь, родство душ и вообще интеллектуальная близость? Вот так, с совершенно четкими намерениями подцепить на недельку любовника, ехать отдыхать? Но, положив руку на сердце, давно ли многие из нас именно с такими желаниями ехали по профсоюзным путевкам в здравницы Крыма и Кавказа? Будучи к тому же замужними или женатыми.

Одинокая – или свободная – Галина отправилась отдыхать с давно забытым ею ощущением: ожиданием праздника. Даже все «прелести» чартерного рейса не смогли повлиять на ее настроение. Только шагнуть на заграничную землю – и тут же появится Прекрасный Принц. Какой дурак придумал, что турецкий берег нам, гордым, на фиг не нужен? Нужен, оказывается. Особенно одиноким и уставшим женщинам.

Анталия ошеломила Галину. Отели – один другого роскошнее, все с бассейнами, барами под открытым небом, белоснежными пластмассовыми лежаками на стерильно чистых пляжах. Одно дело видеть все это буржуазное «загнивание» в кино, а совсем другое – собственными глазами. И вообще: попробуйте всю жизнь мыться в корыте на кухне, а потом попасть в ванну

«джакузи». Впечатление может оказаться настолько сильным, что забудете, зачем в эту самую ванну сели.

Соседка Галины по номеру в отеле, бойкая хохлушка Зина, отдыхала в Турции второй раз. И вообще заграница не была для нее чем-то загадочным и непостижимым. За пять лет «челноченья» Зина объехала практически все бывшие соцстраны. А уж Турция и вовсе стала для нес домом родным.

– Ты не смотри, что они тут все такие улыбочивые, вежливые, – наставляла она Галину в первый же вечер. – Хуже турок вообще никого нет: они за копейку родную мать продать готовы. А уж обсчитать, обмануть – это для них слаще меда. Улыбается, гадюка такая, а сам обязательно тебе какую-нибудь подлянку сделает. Так что держи ухо востро.

Неожиданно для самой себя Галина призналась в своем заветном желании: найти пылкого и галантного кавалера на весь срок отдыха. Зина посмотрела на нес, как на сумасшедшую:

– Любовника? Здесь? Ну, это только если тебе тридцати нет и ты можешь всю ночь на дискотеке выламываться. Там – да, кого угодно можно закадрить: хоть шведа, хоть югослава, хоть немца. Только не турка. Эти жмоты на дискотеки не ходят – дорого для них.

Хрустальная мечта на глазах превращалась в груды бесформенных обломков...

На следующий день Галина загорала на пляже и с каждой минутой убеждалась, что Зина права. Никому не было дела ни до нес, ни до ее модного и безумно дорогого купальника, ни до свежей «химии» на белокурой головке. Да и вообще никому ни до кого не было дела. Многие женщины загорали вообще без лифчика, и окружающие на них тоже чихать хотели.

От тоски Галина после обеда отправилась в ближайший городок. Зина посоветовала ей доехать автобусом, но Галина решила прогуляться и посмотреть окрестности. Всего-то три километра, подумаешь, расстояние!

Она успела пройти всего метров пятьсот, когда ее обогнала белая легковая машина, притормозила и дала задний ход. Водитель затормозил прямо рядом с ней и с милой улыбкой распахнул правую дверцу:

– Мадам, подвезти?

Очевидный турок, он тем не менее сносно объяснялся по-русски.

– Спасибо, – испугалась Галина, – у меня нет денег.

– Какие деньги! – возмутился турок. – Подвезти красивую женщину – это я должен платить за удовольствие.

«Вот оно! – сладко екнуло сердце. – Правду бабы говорили: западают они на русских блондинок. А Зинка просто не знает, что нужно не на пляже лежать, а гулять».

И со всей доступной ей грацией, мило улыбаясь, Галина села в машину. Тем более что представитель туристической фирмы, дававший накануне краткий инструктаж, особо напирал на то, что на их курорте не бывает ни ограблений, ни изнасилований, ни. Боже сохрани, убийств. По мелочи, конечно, подворовывают, есть такой грех. Но все остальное – ни-ни. Спугнешь туристов – жить не на что будет.

Турок-водитель, с ходу сориентировавшись, предложил мадам не просто доехать до города, но еще и покататься по окрестностям. Красивые места, свежий воздух. У мадам есть фотоаппарат? Есть. Прекрасно. Значит, можно сделать массу замечательных снимков. Тут такие виды!

Катались часа два. Турок, назвавшийся Мустафой, просто не закрывал рта. Делал бесчисленные комплименты, рассказывал о местных достопримечательностях, прозрачно намекал на то, что у него небольшой бизнес, да вот беда – за делами жениться некогда. А так хочется женского внимания, тепла. Ах, мадам тоже одинока? Ну, тогда она его поймет: такая порядочная и красивая женщина не может не понять приличного мужчину с серьезными намерениями.

Галина все прекрасно понимала. Мужик ее откровенно клеит, обещая, как и все они, золотые горы. Возможно, все он врет, женат и уже наплодил кучу ребятишек. Ну а ей-то что

за дело? Замуж за него она не собирается, а приятно провести время... Кто же от этого откажется?

Начало смеркаться, когда Мустафа остановился на небольшой улице возле какого-то кафе. Чистенькие столики под тентами, несколько посетителей, хозяин бежит прямо к машине, точно век их ждал.

– Ты, наверное, проголодалась, Галья? – спросил Мустафа. – Поужинаем, здесь очень вкусно кормят. Да?

Как можно заметить, процесс сближения шел полным ходом. Они уже благополучно перешли на «ты», и в машине Мустафа пару раз положил руку на Галину коленку. Но – не более того. Так почему бы не поужинать с таким действительно приличным мужчиной?

За ужином к ним несколько раз подходили какие-то мужчины, перекидывались парой фраз по-турецки с Мустафой и давали ему несколько денежных купюр. Галину они осматривали с ног до головы, но никто не попросил Мустафу познакомить его с очаровательной спутницей.

– — Должники, – небрежно пояснил Мустафа. – Я здесь часто ужинаю, вот и приходят сюда, так удобнее.

– Не боишься, что твоей жене доложат? – не удержалась Галина от провокационного вопроса.

– Галья, – серьезно сказал Мустафа, – я же сказал, что не женат. Зачем мне тебя обманывать? И потом, я же верю тебе, когда ты говоришь, что свободна. Не обижай меня, Галья!

Она почувствовала себя виноватой. И чтобы загладить свой промах, без колебаний согласилась поехать к нему домой. В конце концов зачем откладывать на завтра то, что так прекрасно может произойти сегодня?

Мустафа привез ее в небольшой домик, вроде наших садовых. Одна комната и туалет с душем. Почти всю комнату занимала огромная квадратная тахта – другой мебели почти не было.

– Ты живешь тут? – изумилась Галина.

– Здесь я сплю. Целый день в офисе, обедаю и ужинаю в кафе. Зачем мне большой дом, если я не женат?

Если бы не пара рюмочек местной водки, которые Галина выпила за ужином, у нее, возможно, и возникли бы какие-то сомнения. Но легкое головокружение и приятная теплота во всем теле заставили быстро обо всем забыть. А потом тем более ни до чего не было дела, кроме долгожданного и немалого удовольствия

«Теперь спать, – подумала Галина, откинувшись на подушки в блаженной истоме. – Хоть несколько часов».

Она даже не заметила, что Мустафы с ней уже не было. Хотя почему не было? Вот он, рядом с ней, снова обнимает ее и... И вдруг она с ужасом поняла, что это вовсе не ее новообретенный любовник. С ней в постели был кто-то другой. Кто не позволил ей ни вырваться, ни закричать.

Галина так и не поняла, сколько же их было: пятеро? семеро? Понимала только, что живой ей отсюда выбраться вряд ли удастся. Ее не били и не мучили, только не давали вырваться. В конце концов она потеряла сознание.

Когда она очнулась, в домике никого не было. Часы, положенные на пол возле кровати, показывали восемь часов утра. Аккуратно сложенная одежда была на стуле. Тут же стояла ее сумочка.

Казалось, прошло несколько часов, прежде чем Галина смогла умыться, одеться, кое-как причесаться. Критический осмотр в зеркале показал, что, кроме нескольких весьма заметных следов на шее и на груди, других внешних повреждений не было. Причем следы явно не от побоев, а совсем другого происхождения. Золотые сережки по-прежнему украшали уши,

оба кольца остались на руке. Она порылась в сумочке: деньги и документы были целы. Может быть, все это ей просто почудилось спяну? Да нет, такое не почудится.

Дверь оказалась запертой, но окно удалось открыть без особых проблем. Оказавшись на улице, Галина немного подумала, а потом решительно отправилась отыскивать полицейский участок. Изнасилований у них не бывает? А как же тогда все это называется?

В полиции ее приняли любезно, даже кофе предложили, пока искали переводчика. Когда он донес до полицейских горестный рассказ мадам, ей показалось, что турецкие стражи порядка с трудом сдерживаются от смеха. Но все же они задали несколько, так сказать, встречных вопросов. Мадам пошла на квартиру к своему случайному знакомому добровольно? Спиртным в кафе ее поили не насильно? Вещи, деньги, украшения целы? Следов насилия нет?

– Как нет? – возмутилась Галина, покорно кивавшая в ответ до этого. – А это что, по-вашему?

– По-нашему, это следы пылкой любви, мадам, – уже не скрывая улыбки, разъяснил переводчик. – Вас пылко и страстно любили.

– Но я же пошла с одним! А их оказалось...

– Местная экзотика, мадам. Восточные тайны. Для одного мужчины оплатить ужин дамы дороговато, у нас знают счет деньгам. А когда их несколько... что ж, вполне можно себе позволить. И потом некоторые туристки, немки, например, сами просят пригласить еще и друзей. Лично я первый раз в жизни вижу даму, которой это не понравилось.

Под веселый смех полицейских Галина вышла из участка и побрела в сторону своего отеля. Как ей сейчас не хватало машины! Но ни одна из тех, что обгоняли ее, не затормозила. Зато затормозил шофер рейсового автобуса, который, очевидно, понял, что своими ногами женщина до места не доберется.

В гостиничном номере Галина рухнула на постель и горько зарыдала. В таком виде ее и застала вернувшаяся с пляжа Зина. Выслушав горестную историю Галиных злоключений, она пожала плечами и философски заметила:

– Я же тебя предупреждала, что турки – жмоты, каких свет не видел. У нас мужики водку хоть на троих соображают, а эти – на семерых одну бабу. И вообще – от экзотических мужчин бывают экзотические болезни.

Галина начала рыдать еще сильнее, теперь уже от страха перед возможными последствиями.

– Да не реви ты, считай, дешево отделалась. Не ограбили, не изувечили, не убили. Я в своих поездках такого навидалась – ого-го! Ты по сравнению с этим, считай, в детский сад на утренник ходила. Вот, помню, в Польше...

Зина пустилась в бесконечный рассказ о каком-то криминально-сексуальном событии, но Галина ее уже не слушала.

Оставшиеся дни прошли быстро и бесцветно. Галина загорала на пляже, купалась в море и в бассейне, пару раз в сопровождении Зины ходила по местным магазинчикам. Боялась нечаянно столкнуться с Мустафой, но, к счастью, этого так и не произошло. Результатом недели, проведенной на курорте, был прекрасный ровный загар, пара сброшенных килограммов, которые давно уже были лишними, и муторный осадок на душе. Секс по-турецки оказался чересчур острым блюдом даже для неприхотливого русского желудка.

На фирме коллеги засыпали Галину вопросами и комплиментами. Нашли ее похудевшей, похорошевшей и вообще расцветшей. Женскую часть коллектива к тому же мучил вопрос: правда? Турки, они действительно... ну, ты понимаешь? Было что-нибудь?

Галина от прямых ответов уходила, зато охотно демонстрировала фотографии: она на фоне белой иномарки, вокруг пальмы, восточный мужчина за рулем той же машины, Галина на фоне шикарного отеля. Если уж совсем доставали приставаниями, неопределенно роняла:

– Да, ухаживают они красиво. Про остальное не знаю. Не могу же я за неделю так узнать человека, чтобы лечь с ним в постель. Вот если бы там пожить хотя бы месяц... Он вот замуж звал...

В результате за Галиной укрепились репутация интересной и где-то даже роковой женщины. Даже мужчины начали обращать на нее особое внимание. В общем, не зря съездила.

Лично я в эту историю не очень-то верила, полагая, что барышня очень многое присочинила. Ну, был у нее интим с одним турком, ну, может с двумя, но такое... Впрочем, женское воображение пределов не имеет, да и сама Галина достаточно внятно объяснила, что все, что происходило, было начато исключительно с ее согласия и по доброй воле. Так что все дело в том, чего именно захотеть, а от чего – лучше отказаться.

Кстати, про Олега я на работе тоже не рассказывала никому, потому что прекрасно понимала: такая банальная связь меня никак не украшает. Да и коллег моих было чрезвычайно трудно удивить романом с женатым человеком: почти у каждой уже имелся в этом плане кое-какой опыт, не сказать, чтобы приятный.

А буквально за два дня до вылета на черноморский курорт, Олег прислал мне довольно обширное письмо на электронную почту, в котором внятно и четко объяснял, почему мне придется лететь в Кемер одной, и даже провести там в одиночестве пару-тройку дней. Не могу сказать, что это известие заставило меня подпрыгнуть от радости, скорее, я была склонна пойти, сдать билет и при случае вернуть Олегу его кредитную карту. Или – не вернуть, а использовать как компенсацию за обманутые надежды. Но...

Но волшебное слово «халява» пересилило все проявления здравого смысла. Мне слишком хотелось к морю, мне крайне нравилась перспектива провести две недели в блаженном ничегонеделании, а заодно напиться благодатным воздухом Средиземноморья. Сгоряча, конечно, можно было все «порвать, растоптать и забыть», но, думаю, наказала бы я этим только самое себя: для Олега сумма, в которую обошелся мой отпуск, была просто смешной. А для меня – достаточно серьезной, так что пороть горячку я не стала и приняла предложенные Олегом условия игры.

В результате сижу одна на веранде роскошных апартаментов, пью джин с тоником и пытаюсь приспособиться к ситуации. Но сколько бы я ее ни крутила во все стороны, пытаюсь оценить во всех ракурсах, вывод получался один и тот же: нельзя иметь все сразу. Если бы мы сидели здесь вдвоем (или уже не сидели бы, а занимались чем-то другим), то это было бы уж слишком хорошо.

Впрочем, слишком хорошо вряд ли когда-нибудь бывает. Хорошо – это хорошо, а о плохом печалиться можно по мере наступления или возникновения этого самого «плохого». Кстати, джин был очень и очень недурен: под его непосредственным воздействием настроение у меня стало медленно, но верно, меняться к лучшему. Нужно сейчас, не сходя с этого удобнейшего шезлонга, продумать, что я хотела бы сделать в ближайшие несколько одиноких (точнее, свободных) дней, и при этом радоваться тому, что сама себе хозяйка.

Прежде всего, нужно будет устроить себе пешую экскурсию по местным достопримечательностям. А для этого купить завтра же карту Кемера, желательно на знакомом мне языке, и хорошенько ее изучить. Параллельно выяснить в местном туристическом секторе, какие развлечения они могут предоставить молодой, в меру трусливой, женщине. А заодно разведать, где и чем здесь кормят так, чтобы это отрицательно не повлияло на пищеварение. Плюс, конечно, пляж, море и желательно какую-нибудь книжку, хоть бы и на английском.

Впрочем, мне кто-то говорил, что в связи с наплывом российских туристов, турки организовали очень интересный бизнес: собирают по отелям и частным домам, вроде того, где я сейчас нахожусь, брошенные россиянами книги на русском языке, и продают их на какой-то площади по довольно умеренным ценам.

В общем, если называть вещи своими именами, организовали платную библиотеку, потому что купивший одну-две из этих книг человек, почти стопроцентно не станет утяжелять этой литературой свой багаж, и книги преспокойно вернуться на прилавок. Завтра я это место обязательно найду.

И надо надеяться на то, что вдвоем мы будем хотя бы несколько дней – это в лучшем для меня варианте. Вполне возможно, что Олег не сможет приехать вообще, и я возвращусь домой бронзовая от загара, чудно отдохнувшая и злая, как собака Баскервилей. Плюс неизвестно откуда возникший загадочный пакет. Что еще за номера?

Хотя... если Олег присылает сюда какой-то пакет, то это означает, что и сам он намерен здесь все-таки рано или поздно появиться. И лучше бы он это сделал действительно рано. Иначе эта затея теряла малейший оттенок осмысленности: не подарок же он мне шлет, если распечатать посылку мне не предлагается, а, наоборот, рекомендуется спрятать ее куда-нибудь подальше.

Я не страдаю патологическим любопытством, во всяком случае, могу спокойно и терпеливо ждать, пока все так или иначе разъяснится. А заранее ломать над этим голову – глупо, нервничать же – еще глупее. Нервные клетки, как известно, не восстанавливаются, прошу прощения за банальность.

И как, интересно, он себе представляет мой двухнедельный отпуск в полном одиночестве? Это же просто технически невыполнимо. Если я пойду вечером в какой-нибудь ресторан, кто-то наверняка постарается познакомиться с молодой и, в общем-то, привлекательной женщиной. А я при этом, значит, должна оставаться холодной и неприступной? С какой такой радости?

В общем, вопросов у меня было намного больше, чем ответов на них, то есть ответов не было вообще. Зачем затевать отпуск с любовницей, если не намерен в этом отпуске с ней встречаться? Почему нужно было снимать апартаменты, а не обычный двойной номер в гостинице, что обошлось бы не намного дороже? Зато вокруг были бы люди, с которыми можно по-разному общаться. Или Олегу именно этого и не хочется? Тогда на что он вообще рассчитывает?

Я мысленно себя одернула: хотела ведь сейчас думать только о светлом и радостном, а сама опять пережевываю ту же, уже поднадоевшую жвачку наших с Олегом отношений. Не прилетит – и Аллах с ним, я тут от скуки не завою. В конце концов я же собиралась расставаться с ним до этой замечательной поездки, так расстанусь после нее, всего и делов-то. Главное, не путать чувство благодарности за предложенные мне курортные блага с так называемой любовью. Хотя бы потому, что я Олега уже не люблю, и порядком устала от наших странноватых отношений.

И опять остаться одной? А собственно, почему бы и нет. Со временем произойдет еще какое-нибудь знакомство, возможно, более удачное и счастливое. В крайнем случае, воспользуюсь уже знакомым способом: дам объявление в Интернет. А там свято место пусто не бывает. И не буду я одинокой, а буду свободной. Другие о таком счастье могут только мечтать и грезить, а для меня это вполне реально.

Тут мне пришлось оторваться от своих размышлений: в комнате, выходящей на соседний балкон, точнее, веранду, зажегся свет. Похоже, сосед из квартиры напротив. От одной веранды до другой было не меньше пяти метров и кто был мой сосед, я разглядеть не могла, тем более, в полутьме. По смутным очертаниям фигуры было похоже, что это мужчина. Очень мило, значит, на балконе загорать можно будет тоже только в купальнике. А я-то размечталась о персональном солярии. Что ж, нельзя... правильно, иметь все сразу.

Сосед, судя по всему, любовался пейзажем через бинокль, там поблескивала какая-то оптика. Вот занятно, если это вообще прибор ночного видения: наверняка с его помощью можно видеть массу интересного. Но ведь дорогой, небось, как собака, так что мне, пожалуй,

придется обходиться собственным зрением слава Богу, пока стопроцентным. А если он меня сейчас разглядывает, веселенькую такую, слегка под хмельком и с полной пепельницей окурков. Впрочем... не все ли мне равно.

А ведь мы могли бы сейчас любоваться этим пейзажем вместе с Олегом. Или пошли бы прогулялись по ярко освещенным городским улицам, окунулись бы первый раз в море, съели где-нибудь мороженое... Одна выходить «в ночное» я не собиралась: у нас в России такие прогулки плохо кончаются, а здесь я еще не акклиматизировалась.

Впрочем, скорее всего и с Олегом мы сегодня никуда бы не пошли, а занялись чем-нибудь увлекательным в спальне... Черт бы побрал его постоянные дела! Не придет через три дня, пусть пеняет на себя, я приехала на модный курорт, а не в монастырь кармелиток.

В конце концов я решила, что, как героиня «Унесенных ветром» вполне могу придумать что-нибудь неординарное завтра, на свежую, так сказать, голову, если уж совсем нечем будет заняться. А сейчас нужно испробовать душ и все-таки поспать. Утро вечера всегда бывает мудренее, да и совсем уже близкая встреча с морем приятно согревала душу.

Душ, как ни странно, оказался очень удобным, а на полочке под зеркалом я обнаружила не просто мыло, а шампунь и гель для душа, правда, в одноразовых пакетиках. Шампунь мне пока был ни к чему, а гелем я воспользовалась, равно как и махровым полотенцем, висевшим тут же. Потом я в эту простыню завернулась, как в римскую тогу, погасила везде свет, чтобы исключить возможность за мной подглядывать, и вышла на веранду выкурить последнюю сигарету и еще немножко помечтать о первой встрече со Средиземным морем.

Последний раз я купалась в соленых волнах родимого Черного моря лет эдак десять тому назад, и мне было страшно интересно сравнить между собой эти акватории. Тем более, что с тех пор море мне часто снилось, но в этих снах я обязательно забывала купальник или в последний момент вместо морской стихии попадала в какие-то дурацкие ситуации.

А теперь сон, кажется, вот-вот сбудется, и купальников у меня с собой аж три комплекта, и море никуда не денется – вон оно тихонечко набегает на берег в каких-то ста метрах от меня. Только бы не проснуться завтра в собственной постели в Москве и не обнаружить, что мне просто приснился очередной дурацкий сон. Хотя во сне вроде бы душ не принимают, но кто меня знает. Я, как героиня одного нашего популярного фильма, такая внезапная, такая вся противоречивая... К тому же еще уснуть надо, а как это у меня получится на новом месте, я не знала.

Я забралась в широкую постель и, кажется, уснула до того, как окончательно закрыла глаза. Для меня это настолько нехарактерно, что я изумилась, уже засыпая. Хотя, если вдуматься, ничего особенно странного в этом не было: смена часовых поясов, смена климата, стресс от перелета, приличная доза спиртного практически на голодный желудок, хотя есть не хотелось пока ни капельки. Ну, и так далее.

День все-таки был довольно утомительным, не говоря уже про испытание зоной турбулентности.

Обычно на новом месте я практически не сплю. Но на таком королевском ложе мне еще оказываться не приходилось. То есть в принципе я знала, что существуют такие специальные матрасы, ортопедические, что ли, но, как говорится, лучше один раз увидеть... Необыкновенно удобные подушки, легчайшее, но теплое одеяло и, по-моему, даже надушенные простыни. Тут бы даже принцесса с ее горошиной ничего бы не почувствовала, кроме комфорта и желания спать, спать, спать...

Я бы проспала до полудня, но накануне забыла задернуть шторы и солнце в положенное ему время буквально залило комнату потоком своих лучей. Так что я проснулась часов в девять и даже не сразу поняла, где нахожусь. А потом сразу все вспомнила и даже подскочила от какого-то щенячьего восторга.

Я же на море! Буквально в двух шагах от него. А собиралась совершить первый заплыв с рассветом. Увы, суждены нам благие порывы! Прежде, чем отдаться на волю волн, следовало сделать массу скучных, но нужных дел. Прежде всего, обменять деньги, а заодно и обновить кредитную карточку. Пакет этот клятый получить. Вряд ли это займет мало времени. Да и позавтракать перед этим не мешает, хотя бы кофе выпить.

Выйдя на кухню, я обнаружила, что там и кофеварка имеется. Но это уже было слишком, тем более что новой техники я побаиваюсь. Растворимый кофе меня вполне устраивал. А завтракать буду на балконе, то есть на террасе, когда еще доведется вкушать утренний кофе с рогаляком на таком пленере.

Да, вид с террасы был, конечно, фантастическим. То, что ночью казалось скоплением огоньков, оказалось причалом с двумя десятком самых разнообразных яхт. Некоторые, сильно напоминавшие старинные турецкие фелуки, уже выходили в открытое море.

А пляж! Я-то подсознательно готовилась к традиционной «бочке с сельдью», почему, собственно, и собиралась искупаться пораньше. Но яркие лежаки были еще почти все пустыми, возле них крутилось только несколько смуглых, полуобнаженных парней, которые устанавливали над лежаками огромные зонты. Интересно, сколько стоит вход в этот рай и пребывание в нем?

На соседней веранде на сей раз никого не было, даже жалюзи на стеклянных дверях были спущены. Ну правильно, нормальные люди на ночь окна чем-нибудь закрывают или задергивают, а у меня эта процедура совершенно вылетела из головы. Впрочем, одно оправдание у меня все-таки было: хотя моя московская квартира и выходит напрямиком на юг, в комнату солнце с утра не заглядывает, мешает большая лоджия. Не такая, конечно, шикарная как здесь, но зато полностью приспособленная для московского климата: застекленная, утепленная, обшитая лакированным деревом. То есть до вчерашнего дня я считала, что это – венец террасной архитектуры. Ошиблась, однако.

Я курила, попивала кофе, любовалась видом и совершенно потеряла счет времени. Очнуться меня заставили какие-то звуки на соседней веранде: жалюзи уже были подняты и кто-то явно собирался выйти на свет божий. Меньше всего мне хотелось демонстрировать абсолютно незнакомому мужику свое неглиже, каким бы изящным оно ни было. Не для него куплено, не ему и любоваться. Так что я собрала посуду и ушла внутрь помещения.

Возвращаясь в спальню, чтобы одеться, я обнаружила, что под входной дверью лежит белый конверт. Интересно, это еще что такое? Неужели мой вчерашний попутчик настолько романтичен, что с утра пораньше шлет мне нежное послание? До чего же обманчива бывает внешность! Меньше всего Алексей напоминал галантного кавалера.

Адреса на незапечатанном конверте не было – естественно! – а внутри оказался небольшой, сложенный вдвое листок. Развернув его, я прочитала одну-единственную содержавшуюся там фразу. Между прочим, написанную на абсолютно русском языке:

«Вам лучше отсюда уехать».

Ничего себе, теплый прием! Кому это, интересно, я успела помешать своим пребыванием здесь? И откуда мне предлагали уехать – из данной конкретной квартиры, из Кемера или из страны вообще? Обратного адреса тоже, естественно, не было, да и само письмо было исполнено чуть ли не типографским способом.

Я забыла, что собиралась сделать, села в гостиную на диван и стала размышлять об этом странном явлении. Больше всего это походило на не слишком умный розыгрыш. Но кому могло понадобиться шутить со мной такие шутки? Да еще так вежливо, на «вы». Насколько мне было известно, угрожают обычно более энергичными фразами, да к тому же конкретными. А тут черт знает что такое с утра пораньше под дверью оказывается.

Предупреждают? О чем, черт побери?! И кому известно о моем пребывании здесь? Двум людям: Олегу и Алексею. Олег далеко, да и зачем ему от меня сейчас избавляться? Не думаю,

что он в последний момент решил заменить меня кем-то более привлекательным. Но даже если такая мысль и пришла ему в голову, вряд ли он, находясь в Санкт-Петербурге, ну, в лучшем случае – в Москве, мог бы подсунуть конверт под дверь. Для этого нужно физическое присутствие в непосредственной близости от входной двери. Да и вчерашний разговор по телефону ничего такого в себе не содержал, скорее, наоборот.

Алексей? Проснулся и передумал приглашать меня вечером в ресторан? Так мог бы просто не прийти – и все, зачем такие сложности, как конверт под дверь? Не хочешь больше общаться с дамой, так не общайся, никто не неволит, зачем же такие дурацкие номера выкидывать? Конверт ведь кто-то должен был еще и доставить по назначению, не сам же Алексей притащился ради этого сюда с утра пораньше.

Нет, в подозреваемые он, как и Олег, не годится, а больше я никого тут не знаю, если не считать шофера, который меня сюда вчера доставил, и который, кстати, ни бельмеса по-русски не понимает. Эх, надо было вчера у Алексея хотя бы номер мобильного взять. А то даже посоветоваться не с кем.

Чтобы обдумать как следует это происшествие, мне понадобилась еще одна чашка кофе с сигаретой, а на улице тем временем становилось все шумнее и... жарче. В спальне с кондиционером жара не ощущалась, в гостиной с открытой дверью было уже очень тепло, но на террасе температура явно приближалась к сорока градусам в тени. Еще немного – и я попаду в самое пекло, да не на пляже, а на городских улицах. Оно мне надо? Ладно, в крайнем случае если меня и убьют, то по крайней мере, не в промозглом и заплеванном московском подъезде, а среди роскошной южной природы.

Слегка успокоенная этой мыслью, я стала собираться на выход, что само по себе было не простой задачей. По такой жаре разумнее всего было бы надеть шорты и маечку, но я не была уверена, приняты ли здесь такие вольности. Все-таки мусульманская страна, хоть и Турция. Надо было хотя бы осмотреться для начала, чтобы сразу не влететь в международный скандал. Хватит с меня подметных писем.

В результате я отправилась «в свет» в юбке, разрезанной на несколько полотнищ так, что ногам было вольготно и прохладно, и довольно откровенном топики, а помимо всего этого великолепия водрузила на голову огромную соломенную шляпу, которая заодно еще и плечи прикрывала. Свою способность мгновенно обгорать я знала и к этому вовсе не стремилась. С руками-то ничего не будет, а плечи и так называемую «область декольте» нужно было побереечь. Так что шляпа одновременно играла роль зонтика от солнца и, как показало дальнейшее, очень неплохо с этой ролью справлялась.

Оставалось решить еще одну задачу: на каком языке объясняться. Не очень-то я верила в то, что местные жители через одного шпарят по-русски. Блиц-изучение русско-турецкого разговорника обогатило меня десятком слов типа «спасибо» и «пожалуйста», а в остальном я полагалась на язык международного общения – английский. Если и это не сработает, перейду на французский, его я знаю достаточно прилично. Только... знают ли его турки?

При дневном свете Кемер оказался крохотным городишком, который за полчаса можно было пройти из конца в конец в любом направлении. Зато удивительно чистым: было похоже на то, что с утра пораньше все тротуары и мостовые вымыли шампунем. Позже я узнала, что примерно так тут и поступают: дожди в Кемере – огромная редкость, и вообще это – искусственно созданный рай, где еще лет двадцать тому назад был абсолютно пустой берег с чахлыми кустиками и кривыми сосенками. Теперь вдоль улиц росли всякие пальмы, в том числе и банановые, а цветов было столько, что глаза разбегались.

И домики: небольшие, недавно отстроенные, в два-три этажа с затейливыми балкончиками и почти неизменным бассейном перед домом или сбоку. Как оказалось, это тоже были отели: крохотные, на пять-десять человек, но со всеми атрибутами первоклассной гостиницы.

Почему Олег не снял номер в такой гостинице, оставалось только гадать. Ладно, придет – спрошу у него самого. А пока нужно было заниматься собственными делами: без местной валюты я рисковала остаться не только без похода на пляж, но и без обеда.

Как ни странно, финансовую проблему мне удалось решить практически мгновенно: и банкомат нашелся, и сработал правильно, и доллары на лиры мне поменяли за несколько минут, не спрашивая при этом никаких документов. Единственным неудобством оказалось то, что считать приходилось тысячами и сотнями тысяч, примерно как у нас после присоизвестного дефолта. Один доллар стоил что-то около пяти тысяч, столько же – любая порция любого напитка. Вот от этой печки и нужно было плясать.

К счастью, слово «почта» звучит почти одинаково на всех языках, так что я, купив в какой-то лавчонке сувенирную карту Кемера, без труда нашла нужный мне пункт назначения. Определиться, где я нахожусь в данный момент, тоже оказалось просто: напротив банка располагалось местное полицейское управление, единственное на весь город. И вообще этой картой мог свободно оперировать даже неграмотный ребенок: все мало-мальски заметные объекты были там представлены соответствующими картинками. Так что нужное мне учреждение я отыскала моментально, даже не спрашивая дорогу у прохожих.

Пакет на почте тоже выдали без лишних вопросов, паспорт, конечно, попросили показать, ну, так это в порядке вещей. Правда, это был не столько пакет, сколько маленькая бандероль, размером в две пачки сигарет. Легкая совсем. И очень тщательно запакованная, так что вряд ли мне удастся потихонечку ее вскрыть, а потом восстановить как бы в первоизданном виде.

Безнравственно? Возможно, но обстоятельства сложились так, что мне было не до морально-этических норм. Тем более, что посылка адресована мне. Формально. А фактически... Фактически я побаивалась проявить такую инициативу: во вчерашней телефонной инструкции ничего подобного не содержалось. Ладно, подожду пока Олег придет. Думаю, мне и без этого почтового отправления будет, чем заняться. Во всяком случае, горячо на это надеюсь.

Возвращаться в дом пока не хотелось, но и прогуливаться при такой температуре было занятием на любителя. Соваться же на пляж в полдень вообще было чистым самоубийством, даже я это понимала. Поэтому я выбрала кафе, где несколько столиков стояли в каком-то подобии сада, и решила опробовать местный сервис.

Что ж, все оказалось на высоте: официант появился практически мгновенно и... осведомился у меня по-русски:

– Что госпожа желает?

Госпожа желала кофе по-турецки и мороженое. Полистав разговорник, я уяснила, что кофе – это «каафе», а вот мороженое – «дондурма». Почему-то это меня страшно развеселило, хотя особых поводов для веселья пока не наблюдалось: как я ни старалась отвлечься, из головы не шло проклятое утреннее письмо. Кто и главное зачем мог его мне написать? Может, дверью ошиблись: на площадке-то еще одна квартира, похоже, обитаемая.

– Как дела? – услышала я мужской незнакомый голос рядом с собой.

Подняв глаза, я обнаружила рядом невысокого смуглого мужчину в белоснежной рубашке и черных брюках. В такую-то жару!

– Спасибо, хорошо, – не скрывая удивления ответила я.

– Кофе вам нравится?

Мне нравился и кофе, и мороженое, не совсем нравился только непонятный субъект. Откуда он взялся и что ему надо?

– Я – администратор этого ресторана, Ахмад, – словно прочитав мои мысли отозвался он.

– Вы прекрасно говорите по-русски, – снова удивилась я.

– А я родился в СССР. Полжизни в Баку прожил...

Ах, ну конечно! Мне кто-то говорил, что с началом перестройки в Турцию просто хлынули граждане этой бывшей союзной республики, а ныне – независимого государства. Понятно теперь, почему он на моем родном языке шпарит почти без акцента. И понятно, почему теоретически каждый второй житель Кемера мог сделать то же самое.

– Что вы делаете сегодня вечером? – осведомился он, присаживаясь за столик напротив меня. – Вы одна приехали или с подругой.

Ну, началось! Нет, вот уж это – без меня. Экзотика экзотикой, но нужно и меру знать. Если Алексей пошутил насчет сегодняшнего ресторана, то лучше уж вечером я дома посижу, пусть и одна. Искать приключения в незнакомом городе и чужой стране мне хотелось меньше всего на свете. И администратор ресторана – вовсе не тот тип мужчины, который мог бы меня привлечь. Да еще такой нахальный: плюхнулся за мой столик, не дожидаясь предложения присесть.

– К сожалению, вечер у меня занят, – лучезарно улыбнулась я, обойдя молчанием вопрос о возможной подруге.

– Жаль. А я хотел пригласить вас потанцевать. Может быть, все-таки подумаете? Работа у меня заканчивается в час ночи, а дискотеки в это время только открываются.

– Боюсь, что ничего не получится, – максимально вежливо отозвалась я. – Я прилетела только сегодня ночью, вторую бессонную ночь подряд вряд ли осилю.

Конечно, это было вранье чистой воды: я отменно выспалась. Но докладывать об этом не собиралась, да и идея плясать в два часа ночи меня не очень вдохновляла.

– Жаль, – снова повторил он, поднимаясь из-за столика. – Но хотя бы обедать приходите сюда. Что вы любите: рыбу, мясо? Приготовим специально для вас.

– Возможно, как-нибудь, – пробормотала я, начиная понимать, что на самом деле происходит.

Судя по всему, конкуренция тут в сфере «общественного питания» жесточайшая, клиентов нужно отлавливать, а потом холить и лелеять. Но этому администратору со мной не повезло: кофе с мороженым мне хватит часов на несколько, а там и вечер настанет.

– Вот наша карточка. Позвоните – приготовим все, что пожелаете.

– Спасибо, – уже тверже отозвалась я, убирая карточку в сумку. – Обязательно. В ближайшее же время. Тогда и потанцуем... заодно.

– В любом случае, кавалер вам не помешает, – довольно прохладно сказал он. – Одинокая женщина беззащитна в любом городе.

Ну, уж тут я гордо встала и удалилась со всем доступным мне достоинством. Хорошенький отпуск, судя по всему, мне предстоит. Скорей бы Олег появился, что ли. Или попробовать отыскать Алексея? Местные кавалеры исключались по определению, мне эта головная боль ни к чему.

Тем не менее, местные кавалеры меня своим вниманием не обошли. Новенькая – это выдавало отсутствие загара, почти блондинка, еще молодая, русская... Весь необходимый набор присутствовал, меня как минимум три раза пригласили на дискотеку, два раза – пообедать в каком-то необыкновенном ресторане, и уж совсем бессчетное число раз – пытались просто познакомиться.

К счастью, я знала, что такое поведение турецких мужчин вовсе не означает, что я обладаю какими-то невероятными достоинствами: просто они автоматически клеились ко всем, моложе пятидесяти. Игра такая, местное развлечение. К тому же местные девушки себя блюдут строго, а о замужних дамах и говорить не приходится. Так что поддержать представительницу другого пола за локоток – уже счастье для бедного турка. А если девушка клонет...

Прогулка по городу принесла массу новых впечатлений и несколько конкретное приобретение. Во-первых, я обзавелась татуировкой. Глупо, конечно, но устоять я не могла: прямо

на улице мальчик-художник наносил любой рисунок на любую часть тела – по желанию заказчика.

По его заверениям на отвратительном, но все же русском языке, продержаться это произведение искусства должно было три недели, после чего потускнеть и слинять. Что ж, как раз то, что надо: вряд ли у меня на работе оценили бы такие штучки по достоинству. Тем более что выбрала я ни больше, ни меньше, как французскую королевскую лилию, естественно, на левом плече. Если в этом городе есть знатоки, они оценят.

А еще я приобрела купальник, потому что те, которые я привезла с собой, вдруг показались мне скучными и пуританскими. Маленький магазинчик был просто забит этими яркими тряпочками, я долго мерила, откладывала, передумывала, снова мерила. Наконец, утомилась на чем-то нежно-сиреневом, плавно переходящим в густо лиловый, что закрывало только то, что просто необходимо было закрыть. Олег точно убьет меня, когда увидит в таком облачении.

Потом я благополучно вернулась домой, где за время моего отсутствия ничего не изменилось, чтобы немного отдохнуть и подкрепиться. Вместо обеда я достала из холодильника упаковку каких-то крекеров и устроилась на террасе, куда притащила еще и пару банок пива из холодильника. Ужасно хотелось позвонить моему драгоценному и поделиться впечатлениями, но я прекрасно знала, что делать этого не стоит. Достаточно было того, что он сам мне вчера позвонил: редкий знак внимания, который следовало ценить по достоинству и судьбу понапрасну не искушать. Проще говоря, звонить самой было боязно.

«Почему же все-таки я откровенно побаиваюсь Олега?» – задалась я вопросом, о которого несколько месяцев нашего романа всячески пыталась уйти. А действительно, почему? Молодой, респектабельный бизнесмен, женатый, конечно, но не бывает же людей без недостатков! Любому другому я бы звонила, не задумываясь, как только бы мне захотелось услышать его голос. И уж ни от кого бы не потерпела таких исчезновений-появлений, которыми меня «радовал» мой возлюбленный. Тогда откуда этот холодок внутри, который появляется каждый раз, когда я пытаюсь проявить самостоятельность и нарушить неписанные правила?

Да, я знала массу подробностей его семейной жизни, знала все его привычки, но... я не знала его самого. Строительный бизнес – это конечно, совершенно замечательно, но Олег мог со вкусом распространяться о чем угодно: о своих непростых отношениях с подчиненными, которые все, как на подбор, оказывались бездельниками и тупицами. Конкурирующие фирмы тоже, с одной стороны, «мышей не ловили», а с другой – так и норовили перебить выгодную сделку. Но детали... их не было, а если и были, то к делу они имели скорее косвенное отношение.

– Вот закатать бы парочку этих умников в бочку с цементом, – сказал как-то Олег с совершенно несвойственным ему мечтательным выражением лица. – Каждого в персональную – и в Финский залив. Это было бы по кайфу...

– Кто это тебе так досадил? – изумилась я тогда. – Или ты «Бандитского Петербурга» насмотрелся?

– «Бандитский Петербург»! – фыркнул Олег. – Это для интеллигентных барышень, вроде тебя. На самом деле все гораздо проще и... суровее.

– А ты откуда знаешь? – неподдельно изумилась я. – У тебя вроде ни с властями, ни с бандитами столкновений не бывает... тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

– Надеюсь, что и не будет, – как-то очень недобро усмехнулся Олег. – Иначе я им не завидую.

И резко переменял тему разговора, точнее, сменил место и способ нашего общения. Я, конечно, все тут же забыла, но осадок, как говорится, остался. Конечно, меньше всего Олег походил на крутого мафиози, хотя...

Господи, и о чем я только думаю! Солнце медленно опускалось за гору, самое время было появиться на пляже, окупаться, наконец, в море, полежать на закатном солнышке... Рассветное

и закатное – именно от такого солнца бывает просто обалденный загар. Остальное можно будет додумать завтра – или вообще в Москве, осенью, долгими зимними вечерами, когда-нибудь.

Через пятнадцать минут я ступила на вожделенный пляж, вручив мальчику у входа традиционный доллар в местном эквиваленте. Народу было побольше, чем утром и днем, но свободных лежаков все равно было предостаточно. Я выбрала самый близкий к морю, бросила на него купальное полотенце, свою сумку (интересно, а здесь действительно не воруют?) и...

Не буду описывать свои восторги и упоение при первом погружении в тихие и прозрачные воды Средиземного моря. Потому что это – неопишимо. Как будто сшившиеся мне о море сны вдруг перестали обрываться на самом интересном месте и я... ах! – уже в этой вожделенной купели. Была бы помоложе, ей-богу, описалась бы от восторга, но подобные эмоции девушкам старше семи лет рекомендуется все-таки сдерживать.

Я не принадлежу к тем женщинам, которые трясутся над своей прической и во время купания прячут волосы под всякими шапочками-платочками. Поэтому удовольствие получила по полному разряду: плавала, ныряла, лежала на спине, а под конец улеглась возле кромки прибоя так, чтобы море обтекало меня до пояса, а спина и плечи грелись на заходящем солнце. Как говорится в одной популярной рекламе «Кажется, я знаю, что такое счастье. По крайней мере, знаю, как оно выглядит».

Думать не хотелось решительно ни о чем. Как будто морская вода смыла все проблемы и заморочки, привезенные из Москвы, где они копились последнее время. Да и какие могут быть проблемы в этом райском месте, где меня, к тому же, никто не знает? Только один вопрос, который я, не торопясь, решала: где я буду ужинать и что делать потом. Во вчерашнее приглашение Алексея верилось все слабее и слабее: мало ли чего может человек обещать стгоряча?

– Так и знал, что застаю вас здесь, – услышала я над собой смутно знакомый голос.

Я подняла голову: Алексей. Похоже я ошиблась: приглашение было серьезным, а не просто пустой светской болтовней. Что ж, если я и была разочарована, то скорее приятно: автоматически решился вопрос, где я буду ужинать, а также проблема дальнейшего проведения досуга. Алексей, наверное, знает, где тут лучше всего проводить вечера. Думаю, он просто проголодался, если не дождался им же назначенного времени. Придется вылезать из воды, а жаль, право, жаль. Хотя солнце все равно скоро зайдет.

– Откуда такая проницательность? – поинтересовалась я, вставая на ноги.

– Утром ходили по делам, так хоть к вечеру должны возле моря оказаться. И заодно около дома, если вы о нашем свидании не забыли.

Откуда, интересно, он знает, что утром я ходила по делам? Вроде бы его поблизости не наблюдалось.

– Вы что, следили за мной?

– Да боже упаси! Просто проходил мимо, когда вы в кафе с каким-то типом любезничали. А для того, чтобы пойти в кафе нужно было обменять деньги. Элементарно, Ватсон.

– Действительно элементарно. А про утреннее письмо вы тоже знаете?

– Какое письмо? Любовное? – усмехнулся Алексей.

– К сожалению, не любовное. Подсунули под дверь, я утром обнаружила. Открытым текстом предлагают унести отсюда ноги, пока цела. Просто потрясающее гостеприимство, вы не находите? Правда, автор пожелал остаться неизвестным.

– Оно у вас с собой?

– Конечно нет. Зачем мне его с собой таскать? В квартире осталось.

– Позвольте взглянуть?

– Да ради бога! Может, хоть вам что-то путное в голову придет. Я лично абсолютно ничего не понимаю. Кто-то считает, что я здесь лишняя и рекомендует убраться. Непонятно только, из квартиры, из города или из страны вообще.

– Пойдемте, Вика. Вам же все равно к ужину надо переодеться. А я пока посмотрю на это таинственное письмо.

– Пойдемте, – согласилась я. – Вы же все равно за мной зайти собирались.

Войдя за мной в квартиру, Алексей остановился и восхищенно присвистнул:

– Н-да, красиво жить не запретишь.

– Но можно помешать, – не без раздражения отозвалась я. – Вы тут развлекитесь, а я пойду соль с себя смою и переоденусь. Да и прохладно здесь, мягко говоря.

– Кондиционер отключать не советую. Ночью задохнетесь. Да, письмо-то ваше знаменитое дайте, пожалуйста.

Я взяла письмо, которое так и лежало посреди журнального столика и передала его Алексею. А сама отправилась приводить себя в порядок. Никакие задвижки и замки тут внутри предусмотрены не были, так что мне оставалось только полагаться на порядочность своего нового знакомого.

Надо сказать, что опасения мои оказались совершенно напрасными. Когда я при полном параде вышла из спальни, Алексей курил на балконе и любовался вечерним видом на море. С одной стороны, молодец, с другой – немного обидно. Все-таки остался наедине с молодой, красивой женщиной, за которой как бы даже ухаживает. Хотя, возможно, ему просто скучно одному в незнакомом городе, а тут – готовая спутница, хоть и мимолетно, но знакомая.

– А вы ведь должны были прилететь вместе с кем-то, а не одна? – вдруг спросил Алексей. – Я правильно понял? Может быть, письмо ему адресовано?

Я пожала плечами, хотя версия была довольно успокоительная: а вдруг писали Олегу? Тогда это точно меня не касается.

– А в квартире без вас никто не побывал? – поинтересовался Алексей.

– Здесь? Сегодня? Н-не думаю. Зачем?

– Вот и я думаю: зачем нужно было вас пугать. Или это просто, как иногда говорят, «проверка на вшивость».

– В каком смысле?

– Ну, не в прямом же. Вдруг у вас совесть нечиста и эта записка заставит вас занервничать и даже уехать.

– Занервничать она меня, конечно, заставила. Но уезжать все равно не хочется. Да и Олег вот-вот придет.

– Вот-вот, это когда?

– Скоро, – усмехнулась я. – Плюс-минус два дня. Или неделю. Мой друг человек совершенно непредсказуемый. Например, сам себе посылку на мое имя прислал. Господи, куда же я ее дела? Совсем из головы вон.

– Посылку?

– Да-да, маленькую такую... Куда же я ее засунула? Слава богу, все в порядке, обычный склероз. Если бы потеряла, Олег бы меня просто убил, он такой.

– Ладно, Вика, пойдем, столик ждет, – сказал Алексей, которому, по-видимому, не терпелось поесть и выпить. – Обсудить все это мы прекрасно можем и в ресторане.

– Пошли, – вздохнула я.

«Поехали», сказала канарейка, когда кошка потащила ее из клетки.

Только на улице я сообразила, что клятая посылка по-прежнему у меня в сумке. С другой стороны, не могла же я ее прятать в присутствии постороннего человека. Ладно, вечером спрячу, сейчас с ней тем более ничего не произойдет, если за день ничего особенного не случилось.

Глава четвертая. Ряд волшебных изменений...

Столик Алексей заказал в ресторане соседнего отеля, на открытой террасе. Солнце уже село, но электрического освещения хватало с избытком. Равно как и музыки: на небольших подмостках соловьем заливалась какая-то девица в блестках. Надо полагать, местная дива.

– Шумновато, конечно, – вздохнул Алексей, – но тут хоть живая музыка. В других местах на полную мощь кассеты включают, там вообще разговаривать невозможно. А вот и наш кормилец бежит, меню несет. Вы какую кухню предпочитаете?

– Ту, где самой у плиты стоять не надо, – усмехнулась я. – Я быстрее отвечу, какую терпеть не могу: японскую. Наверное, у меня плебейские вкусы, но полусырую или вообще сырую рыбу и прочие морепродукты – это без меня.

– Ну, здесь вам это вряд ли предложат. Рекомендую салат по-гречески и фондю.

– Что-что? – изумилась я.

– Фондю. Вы что, не пробовали никогда?

– Даже не знаю, что это такое, – честно призналась я. – Судя по названию, что-то французское.

– Почти угадали. Швейцарское. Полагаетесь на мой вкус?

– Уговорили. Любопытно к тому же. Потом тоже буду небрежно говорить, что бифштекс – это для лохов, а вот фондю...

– На самом деле это мясо почти мгновенного приготовления. Готовить будем сами.

Очень мило! Я же только что ему сказала, что сама у плиты предпочитаю не стоять. И не уверена, что готовить, сидя за столиком в ресторане, мне может понравиться больше, чем традиционный способ.

Официант стоял возле нашего столика совершенно неподвижно: то ли был так вышколен, то ли по-русски все-таки не понимал. Когда Алексей стал делать заказ по-английски, я поняла, что верным было второе предположение, хотя понять этот английский мне, например, было трудновато. Но главное – официант его понимал!

– Пить что будем? Вино или пиво?

– А что полагается к этому самому фондю?

– А все равно, что. По вашему усмотрению.

– Тогда вино. Красное.

Н-да, кажется, я начала входить во вкус. Давненько я не бывала в ресторанах. Пожалуй, с тех самых пор, как познакомилась с Олегом... Что ж, грех не воспользоваться ситуацией – когда еще такой случай подвернется.

А как все тогда роскошно начиналось! Нет, первый раз, в день знакомства все было, конечно, на должном уровне, но присутствие третьего как-то принижало пафос момента. Светская болтовня, ничего личного, интересно – да! но не до умопомрачения. К тому же Сергей рекордно быстро напился, а я пьяных мужиков не выношу совершенно.

А вот после того, как Олег приехал ко мне «на кофе», точнее, уже после кофе и всего остального, мы среди ночи подхватились и поехали в какой-то хитрый кабак в старомосковских переулках, открытый только «для своих». Так мне, во всяком случае, было многозначительно сказано. Действительно, народу в зале почти не наблюдалось, а нами занималась, как я поняла, сама хозяйка заведения, дородная дама со следами былой красоты на лице, которая как-то очень лебезила перед Олегом.

Да, хорошо тогда посидели, до рассвета. Жаль, что со временем это происходило все реже и скучнее, пока не прекратилось окончательно. Были только неожиданные появления – и мгновенные исчезновения. Интересно, почему я с этим идиотским положением мирилась почти год?

Впрочем, не предложи мне Олег эту поездку на море вдвоем, я бы, наверное, нашла в себе силы этот роман прекратить. По уму, наверное, и надо было прекращать, не соглашаться никуда ехать, но я-то восприняла это как начало нового этапа в наших отношениях. А этап почему-то не начинался, в Москве куковала одна в ожидании своего ненаглядного и здесь продолжаю делать тоже самое. Правда, не одна.

Я с трудом оторвалась от процесса воспоминаний и подняла глаза. Алексей смотрел на меня с плохо скрытой усмешкой:

- Уже вернулись? – спросил он.
- Откуда?
- Из последнего посещения подобного места.

На какое-то мгновение я даже опешила. Чтение мыслей никак не вписывалось в облик моего нового знакомого. Или у него сверхразвитая интуиция? Впрочем, это качество больше свойственно все-таки женщинам.

- С чего вы взяли, что я думала об этом?

– Мне так показалось. Во всяком случае, мысли ваши были где-то очень далеко. Тоскуете о своем кавалере?

– Честно? Не то, чтобы очень. Понимаю, такое признание меня не украшает, но в чем-то вы правы. Я подумала, что мы и в Москве не часто видимся, и здесь, судя по всему, мало что изменится.

- Возможно, я лезу не в свое дело, но почему вы прилетели одна?

– Понятия не имею, – пожалала я плечами. – Олег вообще плохо предсказуемый человек, но тут, конечно, вообще особый случай. Наверняка это его бизнес, будь он неладен!

– Бизнес – штука коварная, – охотно подтвердил Алексей. – Никогда не знаешь, что тебя завтра ожидает. Это я по своей супруге могу судить. Даже не помню, когда мы последний раз вместе отдыхали. Вообще не помню, когда отдыхали. А чем ваш друг занимается?

– По-моему, строительством, – не совсем уверенно произнесла я. – Или какое-то производство чего-то. Как-то не могу я суть ухватить.

Я даже не заметила, как передо мной появилось блюдо с салатом и корзинка с хлебом. Врубилась, когда официант начал наливать мне вино в бокал.

- За что пьем? – осведомился Алексей.

– За мир во всем мире, – предложила я. – Или за нормальный отдых каждому нормальному человеку.

– Очень хороший тост, – похвалил Алексей. – Особенно в первой части. Вторую, пожалуй, будет труднее реализовать.

- Ну, я лично намерена все-таки как следует отдохнуть. Пусть бы и в одиночестве.

- Это вам не грозит.

– Думаю, не грозит. Меня уже сегодня куда только ни приглашали. Даже на дискотеку. Жаль, на поздний час, да и кавалер не вполне в моем вкусе. Ну, так ведь лиха беда начало.

- А если ваш... друг все-таки приедет?

Я философски пожалала плечами:

– Все в жизни случается, в принципе, неожиданно. Разница только в том, приятная это неожиданность или не слишком.

- У вас сейчас будет приятная неожиданность. Вы танцевать любите?

- Обожаю, – искренне ответила я. – Жаль, что редко удастся этим заниматься.

– Вот сейчас и займетесь. Вас приглашают, между прочим. Уже минуты две над вами маячит робкий кавалер.

Я повернула голову вправо и действительно обнаружила молодого человека, в наружности которого, слава богу, не было ничего отталкивающего. Поймав мой взгляд, он сделал что-то вроде полупоклона и произнес:

– Will you be so kind, bayana?

– «Байяна» – это по-турецки «госпожа», – вполголоса перевел Алексей последнее непонятное слово. – Если хотите попрыгать, не возражаю. Сам, к сожалению, в этом не силен и не любитель.

Ну, вот это уже его проблемы. Я встала и пошла за молодым человеком к танцплощадке. Не танцевала я действительно давно, но это ведь как езда на велосипеде: раз научился, никогда уже не забудешь. Тем более что современные танцы особых правил не предполагают, каждый двигается под музыку так, как это ему нравится, разница только в темпе.

В данном случае, темп был довольно резвый, но мой кавалер все-таки пытался даже в этом ритме взять у меня короткое интервью: как меня зовут, давно ли приехала, где остановилась. В первых двух случаях я его любопытство удовлетворила, третий вопрос предпочла пропустить мимо ушей. Возможно, здесь действительно никто, нигде и ничего не ворует, но показывать дорогу к дому совершенно постороннему человеку мне было как-то неинтересно.

Танец кончился и я вернулась к Алексею.

– Браво, байяна, – с усмешкой сказал он. – Где научились так отплясывать?

– Пару лет назад было модно танцевать фламенко. Так что я какое-то время этим очень увлекалась, даже специальную группу посещала. Правда, мужчин там практически не было, плясали либо все вместе, либо шерочка с машерочкой. В конце концов, мне надоело, или дела закружили, не помню уже.

– Никогда не видел это самое фламенко.

– Много потеряли, – оживилась я. – Танец красоты фантастической, ритм просто завораживает, а если еще и кастаньеты... Умереть, уснуть и проснуться, рыдая.

– Вот бы посмотреть...

– Ну, я даже не знаю... – растерялась я. – Кастаньет нет, музыка опять же не совсем...

– Значит, если бы были кастаньеты и музыка, вы бы станцевали?

– Конечно, – легкомысленно брякнула я, не подумав. – Платье на мне достаточно длинное, каблуки имеются, еще как бы станцевала!

Салат был невероятно вкусным, да и проголодаться я за день все-таки успела, несмотря на крекеры. Опять же вино: чуть терпкое, темно-красное, почти совсем не пьянящее...

– Вас опять приглашают, – сообщил мне Алексей. – По-моему, вы тут пользуетесь бешеным успехом.

Действительно, приглашал еще какой-то молодой мужчина. Более, кстати, воспитанный, чем первый, потому что разрешение пригласить меня, испросил у Алексея. Да и музыка была приятнее: певица ушла на перерыв, а оркестр изображал что-то из Поля Мориа с местным, конечно, колоритом. В остальном, правда, заметной разницы не было, в том числе и прежде всего в задаваемых мне вопросах. Ну уж дудки! Если тут каждому давать свои координаты, так я соскучусь дверь в квартиру открывать и закрывать. Кстати, дверь-то я заперла? А то за мной иногда водится некая забывчивость.

Вернувшись к Алексею я сказала, что объявляю перерыв с танцами, потому что когда-то и поесть нужно. Так что третий, практически тут же возникший кавалер, получил от ворот поворот: я со всей доступной мне деликатностью объяснила ему (по-английски, естественно), что немного притомилась и хочу спокойно посидеть.

– Да, – посмеиваясь сказал Алексей, – успехом вы тут пользуетесь прямо-таки феерическим. Знаете, как они вас между собой называют? Я тут случайно подслушал.

– И как же? – живо заинтересовалась я.

– Байяна руссо. Русская госпожа.

– Да, времена меняются. Вообще-то я мечтала, что меня тут будут называть ханум-эфенди. Все-таки у меня высшее образование...

– А что это меняет?

– Это я в книге вычитала, из турецкой жизни. Так вот там, как только главная героиня закончила школу, ее тут же все, кроме родственников, естественно, стали звать ханум-эфенди. Мне понравилось. А про байяну там вообще ничего не говорилось. Правда, дело было почти сто лет назад...

– И с тех пор кое-что могло измениться, – подхватил Алексей. – Но теперь берегитесь: вас приметили и на улице проходу не дадут.

– Ну и что! – фыркнула я. – Полдня сегодня по Кемеру болталась, устала от знакомств отбиваться, но ведь насильно никто никуда никого не тащит.

– Жарко было. Люди делами занимались. Вас никто не знал. А теперь присмотрятся и...

– И что, завалят меня букетами и драгоценностями? – саркастически осведомилась я.

– Насчет букетов я бы на вашем месте не обольщался. Тут вокруг столько цветов растет, что дарить живые никому в голову не приходит. А драгоценности – почему нет? Тем более что серебро здесь стоит сущие копейки. Если поторговаться, конечно.

– Вот чего не умею – того не умею, – вздохнула я. – Как-то не мое это. Всегда плачу столько, сколько запрашивают.

– Оставьте это для больших магазинов, – посоветовал Алексей. – Там это действительно не принято. А в маленьких магазинчиках, тем более – в лавочках, тем более – на открытом воздухе вы просто обязаны торговаться. Тут такой местный обычай, они никакого кайфа не получают, если с ними не торгуются.

– Одно слово – турки, – подытожила я. – Смотрите, нам что-то несут, по-моему. Довольно впечатляющее сооружение.

– Это нам несут фондю. А это блюдо требует внимания и некоторой ловкости рук, так что не расслабляйтесь, но и не пугайтесь особенно. Делайте, как я, и все будет в порядке. Сразу все пугаются, потом привыкают.

Вот тут он был совершенно прав, насчет первоначального испуга. Такую штуковину я видела первый раз в жизни, даже в кино не доводилось. Большой горшок с кипящим маслом, под ним – огонь, самый настоящий, а в добавление к этому – несколько тарелок с кусочками разного мяса, мелко-мелко нарезанного. Все это великолепие предлагалось цеплять на специальную двузубую вилку и окунать в кипящее масло. Через пару минут порция готова к употреблению.

В общем, конечно, не еда, а какой-то цирковой аттракцион. Максимум внимания нужно было уделять самому процессу, а не вкусовым ощущениям, которые, впрочем, были очень даже и недурны. Давно я не получала от еды такого откровенного удовольствия. А ведь так просто, если вдуматься. Та же фритюрница только с другой технологией.

– Что будете на десерт? – поинтересовался официант, очень вовремя появившийся возле столика. – Сладости, кофе, мороженое?

– Кофе обязательно, – сказала я. – После такой трапезы надо взбодриться. А насчет остального... ну, только не сладкое.

– Мы подумаем, – сказал Алексей, – займитесь пока кофе. А у меня для вас сюрприз, Вика. Пока вы там отплясывали, я тут немного подсуетился.

Он приподнял салфетку возле своего прибора и я увидела... пару кастаньет. Самых что ни на есть настоящих. Где он их тут достал, да еще не вставая с места, ума не приложу.

– Здесь все можно получить, страна такая, – прочел мои мысли Алексей. – Так как насчет обещанного фламенко? Музыка будет соответствующая, это я вам обещаю. А на этих условиях вы мне обещали показать танец.

Я растерянно мигала глазами. Вот что значит расслабилась и потеряла бдительность. С другой стороны, новую русскую пословицу «Кто девушку ужинает, тот ее и танцует», пока, по-моему, никто не отменял. А поскольку у меня было такое чувство, что более лирические отношения со мной в планы Алексея не входят (пока, во всяком случае), то, наверное, нужно

все-таки попробовать. Не канкан же он просит станцевать, а просто исполнить очень хорошо знакомое мне действие. Что-то вроде гимнастического упражнения.

– Назвался груздем, не говори, что не дюж, – вздохнула я. – Что ж, давайте эту вашу соответствующую музыку, а я постараюсь ей соответствовать. Кофе потом выпью.

Алексей обернулся к оркестру и сделал какой-то неуловимый знак. Очередное восточное благозвучие закончилось, и я услышала первые такты именно той мелодии, под которую несколько месяцев плясала в женском клубе в Москве. Ну, что ж, трус не пьет шампанского (или, в данном случае, кофе), а обещания надо выполнять.

Конечно, свою роль сыграли и два бокала вина. Опьянения я не чувствовала, но вот ощущение «море по колено» – это, пожалуй, присутствовало. Так что я отмахнулась от мысли, что на меня будут смотреть не товарки по классу танца и даже не преподаватель, а совершенно посторонние люди, решительно взяла у Алексея кастаньеты и направилась в середину танцплощадки, где народ явно не совсем понимал, что происходит.

Не знаю, хорошо я танцевала или плохо – не мне судить. Но меня ожидал еще один сюрприз: у меня появился партнер! Седовласый, поджарый мужчина вполне европейского вида тоже, судя по всему, пустился во все тяжкие и присоединился к моим па. Буквально пару минут мы присматривались и прилаживались друг к другу, а потом вдруг спелись, точнее, станцевались так, что по окончании «номера» были награждены бурными аплодисментами, чуть ли не переходящими в овацию. Я думаю: такое зрелище и совершенно бесплатно.

Когда мы остановились, партнер взял мою руку и поднес к губам.

– Я давно не получал такого удовольствия, мадам, – произнес он по-английски, очень медленно и четко выговаривая слова. – Меня зовут Исмаил-бей, ваш покорный слуга.

– Виктория, – отозвалась я.

– Позвольте проводить вас к вашему столику, Виктория-ханум?

Я чуть не прыснула от изумления. Сбылись, называется, мечты идиотки! Но каков стиль! Похоже, некоторые местные жители сто очков вперед дадут большинству европейцев. Про соотечественников вообще молчу.

Но все сюрпризы, оказывается, были еще впереди. Когда мы подошли к столику, Алексей встал и... поклонился, по-настоящему поклонился моему партнеру по танцам.

– Добрый вечер, Исмаил-бей. Рад видеть вас в добром здравии.

– Добрый вечер, Алексей-бей. Опять к нам? Все те же дела?

– Все те же, Исмаил-бей. Присаживайтесь, прошу вас.

Я только переводила округлившиеся глаза с одного на другого. Что за пьесу из светской жизни они тут разыгрывают? И что еще за Исмаил-бей свалился на мою голову?

– Буду очень рад. С вашего позволения только отдам кое-какие распоряжения.

– Окажите нам такую честь.

Исмаил-бей отошел, а я схватила Алексея за рукав, что было, конечно, не совсем прилично, но сдерживаться я уже не могла.

– Это что за тип?

– Это не «тип», Вика, – с некоторой даже торжественностью ответил Алексей. – Это один из хозяев этой деревни. А если совсем точно, хозяин, двое других помельче будут. Между прочим, и этот ресторан его, и дом, в котором у вас квартира, и все отели в окрестностях.

– Миллионер, что ли? – окончательно обалдела я. – Так с какого перепугу он со мной плясать пошел? Совсем ку-ку?

– У богатых свои причуды, – усмехнулся Алексей. – Сейчас вернется, может, объяснится. А может, и не объяснится.

– А может, и не вернется? – предположила я. – Попью-ка я пока кофейку. Как говорит один из героев культового фильма: «Кажется, вечер перестает быть томным».

– Во всяком случае, танцевать вам сегодня уже вряд ли придется.

– Это еще почему?

– А тут нет сумасшедших – с Исмаилом тягаться. Он им всем так или иначе хозяином приходится. И, похоже, на вас глаз положил.

Вот только поклонника-миллионера мне и не хватало для полного счастья. То-то Олег обрадуется... если придет. А если не придет? И в этот момент зазвонил мой мобильник. Легко, как говорится, на помине.

– Ты как, малыш?

– А ты вообще-то где? – ответила я вопросом на вопрос, хотя прекрасно знала, что Олег такие штучки не выносит.

– Это принципиально? – не обманул он моих ожиданий.

– Отнюдь. Адрес меня не интересует, интересует географическая близость ко мне.

– Географически я от тебя пока далеко. Потерпи еще немного, ладно?

– У меня есть альтернатива?

– Есть! Можешь не терпеть, садиться в самолет и возвращаться. У тебя обратный билет с открытой датой.

– Ты что, злишься? – сухо спросила я. – Я опять спросила что-то запретное?

– Я не злюсь, просто жизнь так по-дурацки складывается. Ты посылку получила?

– Конечно. Я...

– Это мобильный телефон, малыш, его очень легко прослушивать. Так что подробности пока оставь. Получила – и прекрасно, что делать дальше, я тебе напишу. Потом можешь расслабиться и отдыхать по полной программе. И не забывай пару раз в день смотреть почту.

– Какую почту? Городскую?

– Электронную, глупышка. Мне проще тебе писать, чем звонить. Кстати, чем ты сейчас занимаешься?

– Сажу в ресторане, – честно ответила я. – Только что поужинала.

– Надеюсь, ты ведешь себя благоразумно?

– Ты бы прослезился от умиления, если бы мог меня сейчас увидеть, – не без яда отозвалась я. – Надеюсь, танцы входят в программу благоразумного поведения?

– Если они приличны, – не остался в долгу Олег. – В общем, не забывай про почту. И постарайся не обгореть.

– Постараюсь, заботливый ты мой, – вздохнула я. – Только спину кремом мазать не очень удобно, а попросить пока некого.

– Значит, я приеду скоро, – отрубил Олег. – Все, пока, целую тебя.

– И я тебя тоже, – со вздохом отозвалась я.

Удивительное рядом: Олег звонит два вечера подряд. Вряд ли потому, что так уж безумно по мне скучает: пока я пребывала в Москве, он очень спокойно переносил разлуки.

Что-то меня настораживало в этих звонках, а что – я никак не могла понять. Теперь еще одно задание резиденту: читать почту. Хорошо, что электронную, а то пришлось бы искать какое-нибудь дупло в местной пальме.

В этот момент передо мной на стол легла роскошная алая роза. Я подняла глаза и обнаружила... Исмаила-бея, который и обеспечил меня этим великолепием. А Алексей говорил, что здесь цветы дарить не принято. Впрочем, у него лицо тоже было, мягко говоря, ошарашенное.

– Ваша подруга, Алексей-бей, буквально заставила меня потерять голову. Такого удовольствия, как сегодня, я давно уже не получал.

Забавно: комплимент вроде бы мне, а делается через мою голову. Что ж, это все-таки Восток: когда мужчины разговаривают, женщины должны помалкивать. Но когда Алексей ответил, у меня буквально отвалилась челюсть:

– К сожалению, Виктория не моя подруга. Мы просто вместе летели в самолете. Ну, а первый вечер в незнакомом городе проводить одной... грустно, наверное. Вот я и предложил поужинать.

И за борт ее бросает в надлежашую волну... Здорово он, наверное, зависит от прихотей или желаний этого турецкого паши.

Официант уже притащил подходящую по размерам хрустальную вазу – для цветка. Исмаил-бей сделал какой-то неуловимый жест и официант мгновенно придвинул ему кресло, а потом, выслушав короткую фразу на турецком языке, буквально испарился. Н-да, вышколол он тут их всех отменно. Как у нас раньше писали: беспощадная эксплуатация трудящихся.

– Я взял на себя смелость заказать вам местный фирменный десерт. И хочу спросить вас, Виктория-ханум: вы умеете танцевать вальс?

– Конечно, – с некоторым недоумением ответила я. – Кто же этого не умеет?

– Сейчас – практически никто. А я получил образование во Франции, до сих пор Париж забыть не могу. И если бы я пригласил вас на вальс...

– То я бы с удовольствием приняла ваше приглашение, – совершенно искренне сказала я. – Это один из моих любимых танцев. И заодно с наслаждением поговорила бы с вами по-французски. Мой любимый язык.

– Тогда прошу вас, Виктория-ханум.

Оркестр заиграл вальс, едва Исмаил-бей поднялся с кресла. Н-да, круто у них тут. Мои бы желания кто так выполнял, ведь даже пальцами щелкать не нужно, выдрессированы по высшему классу.

Мы закружились по вмиг опустевшей площадке. То ли никто больше вальс танцевать не умел, то ли не осмеливались составлять конкуренцию патрону. Танцевал он, надо сказать, отменно: давно у меня не было такого партнера по танцам. То есть, если называть вещи своими именами, такого не было вообще никогда. Мне нужно было только подчиняться, все остальное происходило как бы само собой.

Когда музыка смолкла, все дружно зааплодировали. Что ж, возможно, со стороны это выглядело тоже неплохо. Исмаил-бей церемонно поклонился мне и под локоток сопроводил до места, где меня на столе уже ожидало нечто разноцветное и воздушное.

– Это фирменный десерт ресторана, – пояснил Исмаил-бей, заметив мое изумление. – Обычно его здесь готовят для меня и для самых моих дорогих гостей. Попробуйте.

Я попробовала. Описать простыми словами вкус этого блюда просто невозможно. Нежнейшие взбитые сливки, привкус шоколада, который тут же перебивался каким-то более экзотическим вкусом – то ли фейхоа, то ли еще чего-то более экзотического. И это не было похоже на обычно слишком приторные сладости. Это было сказкой, приветом от багдадского халифа, завтраком пери, мечтой любого гурмана... Только чрезвычайным усилием воли я заставила себя не вылизать вазочку до блеска.

Исмаил-бей наблюдал за мной с улыбкой. Алексей тоже улыбался, но как-то не слишком весело. С другой стороны, ему-то с чего было веселиться? Десерта не предложили, девушку уводят прямо из-под носа, да еще практически перешли на незнакомый ему, простому российскому бизнесмену, французский язык.. Хотя, возможно, я преувеличиваю остроту ситуации и никаких видов на меня Алексей вообще не имел. Так, средство от скуки, пока не подвернулось что-то более заманчивое.

– Благодарю вас, Исмаил-бей, – сказала я. – Я получила просто сказочное удовольствие.

– Могу только сказать, что это взаимно, – улыбнулся он. – Давно не танцевал и давно не получал такого удовольствия от танцев. Вы давно приехали в Кемер, Виктория-ханум?

– Вчера ночью. И уже успела понять, что не пожалею об этой поездке.

Сказать, что ли, об этом идиотском письме? Судя по всему, он любую проблему тут решает на раз-два-три. Нет, не стоит. Не стоит портить такой сказочный вечер просьбами. Судьба редко преподносит такие подарки, и это нужно ценить по достоинству.

– Хотите погулять по вечернему Кемеру, дорогая ханум? А потом выпьем здесь кофе или чего-нибудь по вашему усмотрению на сон грядущий.

– С удовольствием, – искренне ответила я.

– А вы, Алексей-бей?

– Сочту за честь, – церемонно наклонил тот голову.

– Тогда позвольте мне все организовать. Один телефонный звонок...

Он действительно куда-то позвонил и отдал одно или два коротких приказа, смысла которых я не поняла, поскольку ни одного уже знакомого турецкого слова в них не содержалось. А потом выключил телефон и с милой улыбкой сказал:

– Через десять минут все будет готово.

Улицы он, что ли, приказал помыть по пути нашего следования? Или устроить толпы восторженных граждан, забрасывающих нас розовыми лепестками? Мне начинало казаться, что от этого в общем-то чудаковатого миллионера можно ожидать чего угодно. Но действительность превзошла все мои ожидания.

Ровно через десять минут на набережной у входа в ресторан остановилась... старинная коляска, запряженная парой невероятно красивых лошадей. Даже затрудняюсь сказать, какой они были масти, потому что роскошная сбруя затмевала практически все.

– Экипаж подан, дорогая ханум. Прошу вас.

И «дорогая ханум», как сомнамбула приняла предложенную ей руку Исмаил-бея и последовала к экипажу. Алексей шел сзади, как бы изображая собой эскорт. Не знаю, насколько его на самом деле манила подобная прогулка, но даже я уже поняла: не то чтобы приказы – просьбы Исмаила-бея обязательно выполняются всеми. Вне зависимости от возраста, национальности и социального положения.

Никогда в жизни не испытывала подобных ощущений, и вряд ли еще когда-нибудь испытаю. Исмаил-бей точно знал о моей давней и нереализованной мечте: прокатиться в конном экипаже по улицам какого-нибудь города. В мечтах мерещились Рим или Флоренция, но вряд ли там подобные прогулки были бы обставлены такими экзотическими декорациями. Море, пальмы, иллюминация, музыка отовсюду, люди, которые глазели на нас, как на седьмое чудо света. В довершении ко всему в гавани устроили настоящий фейерверк, после чего я поняла: жизнь удалась.

Когда прогулка закончилась и мы вернулись в ресторан к кофе и шампанскому, Исмаил-бей, по-моему крайне довольный реакцией, благодушно осведомился:

– Что собираетесь делать завтра?

– То же, что и сегодня – отдыхать, – мило улыбнулась я. – Обожаю море и все, что с ним связано. Возможно, поеду кататься на яхте, я слышала на пляже, что туда предлагают билеты.

– А если я вам предложу чуть-чуть другой вариант отдыха?

– Какой именно?

– Я хочу пригласить вас провести день на моей собственной яхте. Это немного комфортнее, чем толкаться в толпе туристов.

– Вы очень добры, Исмаил-бей, – забормотала я, решительно не зная, как отнестись к подобному предложению.

И вообще все это сильно смахивало на какой-то голливудский фильм. Миллионер, море, яхта. Ущипнуть, что ли, себя покрепче? Или он так шутит? Хотя на шутника вроде бы не похож.

– Рекомендую принять приглашение, Вика, – сказал вдруг Алексей на таком чудовищном английском, что я даже не сразу его поняла. – Второй раз такой шанс не выпадет.

Исмаил-бей одарил его полуулыбкой, от которой тот буквально расцвел, и повернулся ко мне:

- Так что мы решим, дорогая ханум?
- Я не знаю, насколько это удобно...
- Уверю вас, не пожалеете. К тому же обещаю вести себя, как джентльмен.
- А вы разве умеете по-другому? – невольно вырвалось у меня.

Конечно, комплимент я ему отвесила хоть и косвенный, но вполне приличный. С другой стороны, я как-то не могла представить себе этого вылощенного, с безупречными манерами господина, хватающим меня за коленки или что-то в этом роде.

Ну, а если даже допустить... Олег, по-видимому, думает, что кроме него других мужчин на свете просто не существует, отправил меня сюда, да еще нагрузил какими-то сомнительными поручениями. Конечно, то, что я собиралась сделать, было не совсем нравственным, но... Но уж лучше я буду безнравственной, чем несчастной! Не на танцы же с администратором ресторана идти.

- Я с удовольствием поеду на вашей яхте, Исмаил-бей, – решительно ответила я.

Алексей совершенно прав: второй раз такой шанс может и не подвернуться, а кораблик с туристами от меня никуда не денется. Они тут каждый день плавают, двадцать пять долларов все удовольствие вместе с обедом на борту. И наверняка только я там окажусь одинокой девушкой. Да ну их всех!

- Чудесно! Тогда завтра я за вами заеду. Где вы остановились? В каком отеле?

– Вот в этом доме, – повела я головой в сторону своего временного пристанища. – Вон мой балкон отсюда видно.

- Вы довольны апартаментами?
- Еще бы!

– Я рад. Видите ли, на самом деле я хозяин этого дома, и мне приятно, что вы уже моя гостья. Конечно, сам я во все дела не вникаю, для этого есть управляющий. Впрочем... Какой номер апартаментов?

- Третий.
- Неплохо, но довольно скромно. Впрочем, все это поправимо.

Он снова сделал какой-то неуловимый жест рукой и сказал несколько коротких фраз мгновенно появившемуся официанту, а потом снова повернулся ко мне.

– Сейчас я познакомлю вас с управляющим. При малейших затруднениях или проблемах обращайтесь к нему, я сделаю соответствующие распоряжения. А нам, пожалуй, можно выпить по бокалу шампанского в честь такого замечательного знакомства.

Вот от шампанского я отказалась категорически, попросив заменить его все тем же красным вином, которое пила весь вечер. Во-первых, я эту шипучку не слишком жалую, а во-вторых, устраивать ерш в данном случае было совершенно неуместно, тем более что днем я еще и пиво пила. Тут и на трезвую голову дай бог уследить за событиями.

Управляющий оказался довольно пожилым человеком, ни слова не понимающим ни по-русски, ни по-английски, поэтому содержание его короткого разговора с Исмаилом-беем я не уловила. Поняла только, что речь идет обо мне – пару раз мелькнуло ставшее уже привычным Виктория-ханум. Управляющий только кивал и низко кланялся, а потом чуть ли не рысью куда-то помчался, не иначе, выполнять только что полученные указания. Интересно, что за сюрприз меня ожидает в квартире?

Долго мучиться неизвестностью мне не пришлось. Управляющий вернулся практически мгновенно и на лице его были отчетливые следы нешуточной паники. Он пробормотал несколько опять-таки непонятных турецких фраз, после чего Исмаил-бей резко встал, отшвырнул кресло, что-то прошипел сквозь зубы, но довольно быстро взял себя в руки.

- Виктория-ханум, нам придется прямо сейчас пойти к вам.

– Что-то случилось? – ошарашено спросила я.

– Никогда ничего подобного в этом городе не было, – вместо ответа отчеканил Исмаил-бей. – Алексей-бей, пойдемте с нами, оставьте в покое бумажник, вы сегодня были моим гостем. Прошу вас, Виктория-ханум...

Когда мы подошли к моей квартире, я поняла, что так разозлило всесильного миллионера. Дверь была полуоткрыта и буквально все перевернуто вверх дном, даже обивка на мебели была вспорота. Вечер, начавшийся мелодрамой, оборачивался неслабым боевиком.

Глава пятая. Все к лучшему

Действительно, такое я видела только по телевизору. По квартире, простите за избитое сравнение, словно тайфун прошел. Спальня выглядела не лучше гостиной, в кухне тоже царил полный разгром, только ванная комната не слишком пострадала, наверное, из-за своей спартанской обстановки. Явно что-то искали, но что?

– Придется вызвать полицию, – сказал Исмаил-бей. – Это не шутки.

– Какие уж тут шутки, – вяло отозвалась я. – Похоже, мой замечательный отпуск превратится совсем в другое времяпрепровождение.

– Чепуха! Мы завтра все равно пойдем на яхте. А здесь пусть специалисты разбираются.

– Как скажете.

Больше всего меня угнетала не предстоящая встреча с полицией, а то, что остаток ночи мне предстоит провести в этом хаосе. Точнее, пытаться привести помещение в более или менее пристойный вид. Интересно, кто будет компенсировать убытки? Одна кожаная мебель, порезанная и разодранная, стоит... Ой, лучше даже не думать, сколько она стоит!

– Успокойтесь, Вика, – сказал Алексей, нервно куривший на лестничной площадке. – Ведь не вы же все это устроили, правда? Ну, и не берите в голову. Как, по-вашему, что они могли искать?

Я только плечами пожала. Деньги или драгоценности? Но деньги были при мне, а драгоценностей, как таковых, вообще не было. Бижутерия не в счет, да и ее я взяла с собой в очень ограниченном количестве.

Исмаил-бей тем временем вел какие-то переговоры с управляющим, который только кивал и кланялся, а потом нажал кнопку звонка соседней квартиры. Поздновато, между прочим, для незваных гостей, время-то полночь. Так что у открывшего, наконец, дверь мужчины вид был совсем не радостный.

– Что случилось? – осведомился он по-английски, но акцент выдавал в нем моего соотечественника.

Вот влип, бедолага!

– Случилось с квартирой вашей соседки, – пояснил Исмаил-бей. – Сейчас приедет полиция, наверняка заинтересуется, что вы видели или слышали.

– Нам понадобится переводчик, – усмехнулся сосед. – Моего словарного запаса не хватит на беседу с полицией.

– Переводчик будет, – уверенно сказал Исмаил-бей. – И очень скоро.

Ну, в этом я не сомневалась. Если он действительно хозяин в этом городишке, то вся полиция станет на уши моментально и заодно из кожи вон вылезет. Ага, вот они, кажется, подъехали. Ну, теперь у нас тут пойдет потеха с переводчиком.

– А я, пожалуй, пойду, – полувопросительно сказал Алексей. – Если что, Исмаил-бей знает, где меня найти.

– Не получится, – вздохнула я. – Вы видели квартиру в, так сказать, первозданном виде, когда заходили за мной перед ужином. С тех пор я все время была с вами, так что вы – мое единственное алиби на данный момент.

– Вы – потерпевшая, зачем вам алиби? – уже раздраженно спросил Алексей.

– Чтобы было! – отрезала я. – Может, по их турецким законам они в первую очередь именно потерпевших в каталажку запрятывают. Чтобы те еще чего-нибудь не потерпели.

– Вы неподражаемы, Вика! Даже в такой ситуации сохраняете чувство юмора.

– Поплакать еще успею, – мрачно пообещала я. – Моё от меня не уйдет.

Полицейских приехало, по-моему, штук десять, причем половина из них сносно говорила по-русски, а для остальных припасли пару переводчиков. Со мной они разделились прак-

тически моментально: получили подтверждение того, что с восьми до полуночи я была совсем в другом месте, причем в компании Исмаил-бея. После этого мне предложили собрать личные вещи.

– Зачем? – с ужасом спросила я Исмаил-бея. – Меня отправят в тюрьму?

– Вы отправитесь в новую квартиру, – терпеливо, словно ребенку, объяснил мне Исмаил-бей. – Не можете же вы провести целую ночь в таком разгроме. Да это просто неприлично! Я своих гостей привык принимать по высшему разряду, и уже приказал управляющему все приготовить. Сейчас он принесет вам ключ от лифта.

– От какого лифта? – окончательно обалдела я.

– Квартира на последнем этаже, у нее персональный лифт. Надеюсь, вам понравится.

Я молча отправилась собирать личные вещи. Не оставаться здесь на ночь – уже счастье: одна мысль о том, что мне придется провести ночь в помещении, буквально вывернутом наизнанку, вызвала у меня дурноту. В квартирах с персональным лифтом я еще не жила, но, между прочим, в этом доме я вообще никаких лифтов не заметила. Граждане демократично шлепали пешком до четвертого этажа по лестнице, как бы прилепленной к торцу здания. Это сооружение даже лестничной клеткой нельзя было назвать, потому что она была абсолютно открытой: окна обозначались довольно широкими проемами и все.

Краем уха я прислушивалась к тому, что происходило в гостиной. Там, судя по всему, допрашивали соседа. Реплики его выдавали в нем исконно русского человека: «Знать ничего не знаю, ведать не ведаю, не видел, не слышал, не заметил». Нет, он знал, что квартира обитает, но свою соседку, то есть меня, сегодня увидел первый раз в жизни.

И очень, оказывается, об этом жалеет, потому что дама с такими стройными и длинными ножками просто воплощает в себе его мечты и грезы. Я машинально опустила глаза вниз: ноги были надежно прикрыты длинным подолом вечернего платья-сарафана, который я надела, чтобы пойти с Алексеем в ресторан. И кто вчера, интересно, изучал меня в бинокль, если не с помощью прибора ночного видения? Карлсон с крыши?

Когда я вышла в гостиную со своими двумя сумками, там как раз происходила интересная процедура снятия отпечатков пальцев: у Алексея и у соседа. Тот полицейский, который у них был за главного, как-то нерешительно посмотрел на меня, а потом перевел взгляд на Исмаил-бея и что-то подобострастно у него спросил. Тот повернулся ко мне:

– Виктория-ханум, вы позволите снять и ваши отпечатки. Никто вас, конечно ни в чем не подозревает, но...

– Но это нужно, чтобы не было лишних неопознанных отпечатков, – подхватила я. – Позволю, конечно, тем более что за прошедшие сутки и тут перетрогала все, что можно, и даже то, что трогать не рекомендуется.

– Например? – с детским любопытством спросил Исмаил-бей.

– Например, кондиционер. Работает себе и работает, зачем его трогать? Но мне было интересно...

Молоденький полицейский моментально «откатал» мои пальчики и даже дал специальную салфетку, чтобы стереть с них краску. Ну вот, теперь попаду в турецкий каталог. Хорошо хоть фото в фас и профиль не сделали.

– Мы можем идти, Виктория-ханум, – сказал Исмаил-бей. – Вы тут больше не нужны, я – тем более.

По общей лестнице мы спустились на первый этаж, а потом какими-то хитрыми переходами прошли в небольшой дворик. Среди цветов была калитка, а за ней угадывалась близость моря. Ну, и дальше что?

Дальше была совершенно неприметная дверь в стене, которую Исмаил-бей открыл небольшим плоским ключом. Точнее, вставил этот ключ в какое-то отверстие, после чего дверь бесшумно уехала в сторону, а за ней оказалась кабина лифта. Вполне комфортабельная: с зер-

калом и даже банкеткой для отдыха. Только кнопок на панельке было всего три: зеленая, синяя и красная.

– Зеленая – вниз, – прочитал мои мысли Исмаил-бей, – синяя – вверх, а красная – для вызова охраны, если что-то случится.

И мы вознеслись с помощью синей кнопки. Когда лифт остановился, дверь снова отъехала и я шагнула... Нет нормальными словами описать это помещение просто невозможно, рядом с ним мерк любой современный гостиничный люкс, даже те, которые я видела в кино. Справедливости ради следует сказать, что в реальной жизни мне такое видеть не приходилось никогда и нигде. Даже во сне не мерещилось.

И это была только гостиная! А ведь была еще спальня: как у голливудской кинозвезды: с круглой кроватью и пологом, была еще совершенно уж непотребно-роскошная ванная, даже не ванная, а мини-бассейн с десятками кнопок и рукояток, со шкафчиками, битком набитыми всякими бутылочками и баночками. Правда, купальная роскошь вызвала у меня грустную мысль, что до конца отдыха мне придется довольствоваться умывальником и биде, с ними я, по крайней мере, была знакома практически, а не теоретически.

– Вон там небольшая кухонька, – прервал мои размышления Исмаил-бей, – но вам совершенно необязательно утруждать себя готовкой. Позвоните по внутреннему телефону на мою кухню, закажите, что угодно, вам тут же доставят.

– Я ведь не говорю по-турецки, – пожалала я плечами. – А ваши повара вряд ли знают английский. Так что уж лучше я сама.

– Хорошо, это мы уладим, так сказать, в процессе. А сейчас вам нужно отдохнуть, день был напряженным. Выспитесь, а завтра на яхте забудете обо всех сегодняшних неприятностях.

– Вам-то это зачем все нужно, Исмаил-бей? – спросила я в лоб. – Зачем вам вся эта возня со мной?

– Считайте это капризом, – усмехнулся он. – К счастью, я могу себе позволить практически любую прихоть. А вообще давайте поговорим завтра. Море, солнце, тишина...

Ну что ж, я спросила – он от ответа ушел. Ушел, надо сказать, элегантно, но пусть не думает, что я, ослепленная и оглушенная всем этим великолепием, забуду завтра задать все тот же вопрос. В тишине, на море, под жарким солнцем. Завтра поговорим, а сейчас действительно было бы неплохо немного отдохнуть.

– Я оставляю вас, Виктория-ханум, отдыхайте. Будьте готовы завтра к девяти утра. Успеваете?

– А будильник здесь имеется? – поинтересовалась я.

– Будильник? Зачем?

– Чтобы не проспать.

– Не волнуйтесь. Сколько времени вам нужно с утра на сборы?

– Ну... час.

– Значит, в восемь утра вам принесут завтрак. Заодно и разбудят. Скажите, чтобы вы хотели?

– Кофе, – уже откровенно наглея сказала я. – Кофе с молоком и круассаны.

– Любите Францию? – проявил он незаурядную догадливость.

– Обожаю.

– Тогда спокойной ночи, Виктория-ханум. До завтра.

– До завтра, – не без облегчения отозвалась я.

До последней минуты копошилось у меня в черепушке сомнение, относительно его намерений. И если бы он пожелал разделить со мной роскошное ложе, я бы оказалась в довольно затруднительном положении: при таком уровне гостеприимства трудно в чем-то отказывать. Но Исмаил-бей избавил меня от моральных страданий: оставил на столике возле входной двери ключ от лифта и откланялся. Да и то пора было: почти час ночи.

По уму-то, конечно, нужно было немедленно ложиться спать. Тем более что даже постель уже была приготовлена чьими-то заботливыми руками, и бутылочка минеральной воды со стаканом стояли на ночном столике, и пачка сигарет лежала там же рядом со сверкающей пепельницей и довольно массивной зажигалкой. Но мне больше всего хотелось на свободе «обнюхать» все уголки своего нового помещения.

Кухонька была крохотной, но классно оборудованной. Правда, стиральная машина там отсутствовала. Судя по всему, гости в этих апартаментах стиркой себя не утруждали, точнее, не должны были утруждать. Зато там был выход на маленький балкончик, куда я тут же и полезла. Справа от балкона оказалась огромная веранда, попасть на которую можно было, наверное, из гостиной, а вокруг простиралось... безграничное звездное небо. Тут до меня дошло, что я попала в так называемый пентхаус, который при прочих равных условиях могла видеть опять же только в кино. Кстати, голову могла дать на отсечение, что всю эту красоту снизу разглядеть было практически невозможно, даже с крыш соседних домов: они все были значительно ниже.

Господи, я же совершенно забыла о том, что Олег велел посмотреть электронную почту. Там, внизу, компьютер был, я помню, а есть ли он здесь? Оказалось – есть. Я, правда, не сразу его обнаружила: по замыслу дизайнера от огромной гостиной был отгорожен отсек-кабинет, причем роль стены играли выющиеся растения и заметить, что за ней есть что-то еще, можно было далеко не сразу.

Но компьютер там был, мощный и навороченный, да еще постоянно подключенный к Интернету, так что на нужный мне сайт я попала практически мгновенно и без проблем. Действительно, помимо всякой малозначимой ерунды там было письмо от моего драгоценного. Что само по себе было необычно: звонит каждый день, да еще письма пишет. Такой частотой общения он меня обычно не баловал.

Письмо было коротким, минимально нежным и максимально информативным. Мне предлагалось в ближайшее время, точнее, завтра, отнести посылку по определенному адресу и определенному человеку. После чего я могу наслаждаться отдыхом... но скорее всего одна. Сформулировано было немного витиевато, но суть была предельно жесткой: Олег прилететь почти наверняка не сможет, обстоятельства такие, но и оставлять меня одну на полном соблазнов курорте ему не хотелось. Короче, передай посылку и отваливай домой.

Рассердить меня довольно трудно, я женщина скорее спокойная, чем истеричная. Но тут я просто разозлилась. Да что же это за ситуация, в конце концов складывается? Исполнила роль курьера – и ступай на все четыре стороны? В принципе, сам факт передачи меня не особо напрягал: надо, так надо, невелика барыня. Но вот предложение выметаться, не успев толком распробовать отдых на море...

Конечно, мягкосердечие и сочувствие к людям в список добродетелей моего драгоценного не входили. Но и до откровенного хамства он все-таки еще никогда не опускался. Интересно, если я выполню его распоряжение, какими глазами он посмотрит на меня в Москве при встрече? И как будет объясняться? Это при условии, что такая встреча состоится, конечно, а у меня на этот счет появились некоторые сомнения.

Я отыскала в гостиной бар, который, как и полагала, был под завязку набит всевозможным спиртным, и, подумав немного, налила себе излюбленного джина с тоником. На меня этот напиток действует, как ни странно, отрезвляюще, да к тому же подстегивает процесс размышлений, если. Конечно, приходится размышлять. А в данном случае – безусловно, было.

Сигареты, пепельницы и зажигалки тут были расставлены и разложены повсюду, так что я, не особо сомневаясь, пошла на веранду. Действительно, рядом с роскошным шезлонгом стоял очень красивый столик со всеми курительными принадлежностями. Ночь была волшебная, совершенно сумасшедшей красоты ночь, но мне почему-то расхотелось ею любоваться. Мне нужно было подумать.

Что, собственно, связывало нас с Олегом, кроме постельных забав? Грустно, конечно, но приходилось признать: ничего. О любви он не говорил никогда, последнее время подарков не делал, даже паршивого цветочка ни разу не принес, и никуда не водил, чтобы девушка, так сказать, проветрилась. Поздно, но я все-таки сообразила: ему было удобно иметь в Москве постоянную и нетребовательную любовницу. Даже не любовницу. А... Ну, ладно, себя ругать – последнее дело, особенно задним числом.

Меня, судя по всему, придерживали как раз вот ради такого случая. И я напрасно только что заподозрила Олега в отсутствии гуманности: как раз в высшей степени гуманно было убрать меня, как ненужного свидетеля. Что же такое содержится в этой чертовой посылке, если вокруг нее начинают кипеть африканские страсти?

Я достала со дна своей сумки коробку размером в полторы пачки сигарет и нерешительно повертела ее в руках. Запаковано было на совесть, нечего было и думать о том, чтобы вскрыть, посмотреть и сделать так, как было раньше. Тут требовался профессионал, а вот им я как раз не была.

Вместе с посылкой из сумки выпала какая-то визитная карточка. Это еще что такое? Ах, да, это тот самый администратор ресторана, который приглашал меня на дискотеку. Только... минутку! Где-то я совсем недавно видела практически идентичное содержание. Где же? Ну, конечно, в письме Олега!

Значит, я должна переться в этот ресторан, искать там специально этого Ахмеда-Махмуда-Муслима или как его там, произнести заветную фразу: «Только кофе покрепче и воды не нужно», после чего вручить ему клятую посылку... А может быть, этот администратор и есть главный злодей в постановке?

Нет, опять не сходится! При таком раскладе некуда приткнуть подметное письмо. Когда мне его подсунули, посылкой я еще не обладала и кто-то, наверное, об этом знал. Знал и пытался сорвать намеченную операцию в самом начале. Или никто ничего не знал, и письмо с посылкой шли совершенно разными курсами, пока не пересеклись в одной точке. Конкретно, на моей персоне.

Ладно, утро вечера мудренее. Я снова сунула в сумку свои сокровища – посылку, визитку и письмо, – и отправилась готовиться ко сну. В навороченную джакузи-бассейн, оказывается, лезть было совершенно необязательно: в углу притулилась стеклянная кабинка со вполне нормальным душем.

И через пятнадцать минут я уже проваливалась в сладкую бездну сна, мимоходом отметив, что лежанка тут классом повыше, чем та, на которой я почивала в прошлую ночь. То есть привыкание к роскоши шло по нарастающей. Очень интересно, как мне дома, в Москве покажется моя привычная тахта, которую я до недавнего времени считала эталоном удобства и комфорта? К хорошему-то быстро привыкаешь, вот отвыкать почему-то быстро не получается.

Мне показалось, что я только-только опустила голову на подушку, как к моему плечу тут же прикоснулась чья-то рука. Нежно так, чуть осязаемо. Я приоткрыла один глаз: передо мной стояла миловидная девушка с подносом в руках. Она что-то лепетала по-турецки, но в принципе было понятно и без слов: обещанный утренний кофе мне сервировали, и будильник при таком сервисе был не нужен в принципе.

Она пристроила поднос возле кровати и произнесла еще одну фразу, из которой я уловила только имя – Исмаил-бей, и догадалась, что он будет ровно в девять, потому что именно столько пальцев мне показала эта одалиска, предварительно изобразив нечто круглое, должествующее, по-видимому, обозначать циферблат.

Когда я осталась одна, то первым делом отволокла поднос на веранду, где было уже очень тепло, но от прямого солнца надежно закрывали огромные зонты. Там-то я со вкусом, толком и расстановкой полакомилась чудным кофе, свежайшими круассанами с маслом и каким-то сыром, и с наслаждением закурила первую в этот день сигарету.

Как ни странно, чувствовала я себя вполне бодрой и отдохнувшей, хотя спала всего несколько часов, так что к назначенному сроку была в полной боевой готовности: купальные принадлежности в сумке, сама – в юбке с разрезами и топе, чисто условно скрывавшим верхнюю часть фасада. Про шляпу я, конечно, тоже не забыла, поскольку только здесь и могла носить любимый головной убор: в Москве такие поля не проходили по определению, то есть в вагоне метро не помещались. Да и особо сильной жары там обычно не наблюдается.

Ровно в девять дверца лифта отъехала в сторону и передо мной предстал Исмаил-бей собственной персоной, весь в белом. Так что, судя по всему, сон Золушки продолжался, и мне предстояла не больше не меньше, как увеселительная прогулка на яхте настоящего миллионера.

По большому счету я, конечно, вела себя безнравственно: кто его знает, какие у него там на самом деле намерения. Но я уже говорила и готова повторить снова: лучше быть безнравственной, чем несчастной. Тем более альтернативой было только возвращение домой, да еще и вручение перед этим какой-то дурацкой посылки.

Подождут. Все подождут. И мой драгоценный, похоже, уже бывший, который, по-видимому, решил использовать меня втемную, как болвана в преферансе, и ресторанный администратор, и вообще все. Завтра будет новый день, неизвестно чем его заполнять, вот и займусь делами. Вряд ли меня каждый день будут ублажать так, как сегодня. То есть уж точно не будут. А живем один раз и нужно сделать этот процесс максимально комфортным. Я не права?

– Вы сегодня ослепительны, Виктория-ханум, – церемонно произнес Исмаил-бей. – Надеюсь, вам здесь нравится.

– Кому здесь может не понравится? – искренне изумилась я. – Это же просто дворец из «Тысячи и одной ночи». И потом... как подумаю о той, разоренной квартире...

– И не думайте, я разберусь. Собственно, уже сегодня должны быть какие-то результаты. Послушайте, а не выпить ли нам сейчас еще по чашечке кофе?

– Почему бы и нет? Там, в кофейнике, его еще человек на пять хватит.

– Я предпочитаю свежий, но сойдет и так. На яхте будем отдыхать, а сейчас минут десять побеседуем о делах... если вы не возражаете.

Я не возражала. В конце концов, в одиночку мне с этим делом все равно не разобраться. А раз уж этот самый Исмаил-бей такой влиятельный и всемогущий, пусть попробует помочь решить мои проблемы. Все равно больше никто не поможет.

Мы уселись на веранде и какое-то время чинно пили кофе в полном молчании. Первая, конечно, не выдержала я:

– Исмаил-бей, я очень признательна вам за участие. Не знаю, что именно, но вокруг меня происходит какая-то странная возня. Например, в первое же утро мне подсунули вот это.

Я достала из сумки письмо и перевела его содержание.

– Вы кому-нибудь об этом рассказывали? – спросил Исмаил-бей.

– Да, Алексею. Но он только плечами пожал и совершенно ничего не понял. Возможно, это просто какое-то недоразумение. Не вижу смысла в моем запугивании, хоть убейте.

– Просто так никогда никому не угрожают.

– Согласна. Вот если бы это письмо пришло после того, когда я получила посылку, то была бы какая-то логика...

– Какую посылку?

Я предъявила и посылку тоже.

– Кажется, я понял, что искали в квартире, – медленно произнес Исмаил-бей. – Вы поступили или очень разумно, взяв ее с собой, или... крайне опрометчиво. Еще не знаю. Но что-то более или менее проясняется. Вы хотя бы имеете представление о том, что в этой коробке?

– Ни малейшего, – довольно легкомысленно ответила я. – Представляю только, что мною пытаются манипулировать, причем довольно бесцеремонно. Не уверена, что мне это нравится.

– Знаете, мне это тоже не нравится. Утром я получил предварительный отчет из полиции.

– Вы? – вытаращила я глаза.

– Именно я, – не без удовольствия подтвердил Исмаил-бей. – Я знаю все, что происходит в этом городе. Во всяком случае, надеюсь, что все. Именно поэтому я так близко к сердцу принял вашу историю. Давайте потратим еще полчаса, а потом – с чистой совестью на яхту.

У меня такое предложение никаких возражений не вызвало. В кой веки раз кто-то взялся решать мои проблемы за меня.

Исмаил-бей коротко переговорил с кем-то по мобильному телефону, потом встал и нажал какую-то неприметную кнопку возле двери.

– Сейчас принесут свежий кофе, – объявил он. – А тем временем приедет один человек, мы отдадим ему на временное хранение ваши сомнительные сокровища и до вечера вы выкинете все мрачные мысли из вашей прелестной головки.

Как я уже говорила, особого выбора у меня не было, а было какое-то странное, постепенно нарастающее чувство тревоги внутри. Так что я была просто счастлива хоть на время сбежать от всего этого. И не просто сбежать, а провести увлекательный и яркий день в компании с человеком, который, если честно, мне нравился.

Мы выпили еще по чашке кофе, покурили, и тут в дверях лифта возник человек. Если бы меня попросили потом описать его внешность, я бы, наверное, не смогла. Он был совершенно никакой, плоский, невыразительный, да еще в затемненных очках. Но именно ему Исмаил-бей отдал письмо и посылку и коротко что-то приказал. Человек поклонился, отвесил еще один полупоклон в мою сторону и исчез в лифте. Ну вот, мосты сожжены, пути отрезаны, теперь я ни в коем случае не смогу передать посылку, потому что у меня ее нет.

– Поехали, Виктория-ханум, – поднялся с кресла Исмаил-бей. – Вечером мы наверняка узнаем если не все, то многое. Надеюсь, вы не откажетесь поужинать со мной?

– Не откажусь, – без колебаний ответила я. – Храбрость – это не самое главное мое качество, а тут еще страшилки вокруг всякие происходят. Так что я очень благодарна...

– Пустяки, даже говорить не о чем. В путь, дорогая ханум. Обещаю, вас ждут совершенно незабываемые впечатления.

Я, собственно, и не сомневалась...

Определенное представление о разных плавсредствах я, конечно, имела. Вынесла из своей пока еще не слишком долгой жизни. Например, любила и умела грести, поэтому частенько по летней жаре отправлялась в какой-нибудь парк культуры и отдыха, где были водоемы и, соответственно, лодки напрокат.

Один раз какой-то уж очень настырный поклонник заманил меня на Химкинское водохранилище, обещав «королевский круиз на яхте». Вся эта, с позволения сказать, яхта была чуть больше корыта, к тому же не слишком устойчива, так что ничего королевского я в этом развлечении не усмотрела. Тем более что почти все время приходилось повисать на каких-то веревках, чтобы это сооружение не перевернулось.

Будучи в Крыму, пару раз каталась на экскурсионных катерах, в принципе, мне даже понравилось. Правда, нравилось, в основном то, что берег был все время виден и в случае чего можно было добраться до него вплавь. Один раз – в далекой юности – провела с родителями целую неделю на теплоходе, который неспешно телепал от Москвы до Самары, тогда еще города Куйбышева.

Ну, и венцом всего этого можно было считать случайную прогулку на служебном катере одного знакомого генерала, который инспектировал какое-то подмосковное водохранилище, в основном, закрытую его часть, и по внезапной прихоти пригласил меня с собой под видом журналистки. Там мне даже порулить дали: у меня где-то до сих пор хранится фотография, на которой я с обалдевшие-счастливым и одновременно перепуганным видом вцепилась в рулевое колесо.

Правда, сам рулевой стоял сзади в диком напряжении, готовясь в любую минуту прийти на помощь. К счастью, до этого дело не дошло, я успела наиграться и не вляпаться в какую-нибудь экстремальную ситуацию. Что, в принципе, было даже странно: все на этом катере, за исключением, пожалуй, рулевого, были уже на приличном взводе. Не иначе, Бог миловал, тот самый, который покровительствует дуракам и пьяницам.

Из всего этого списка можно понять, что слова «прогулка по воде» и «роскошь» для меня синонимами ну никак не могли быть. Ничего роскошного в каюте второго класса волжского теплохода, естественно, не было, а все остальное было вообще неопишным. И когда я собиралась прокатиться по волнам Средиземного моря с Исмаил-беем, я, оказывается, даже смутно не могла себе представить, что за аттракцион ожидает меня на этот раз.

Возможно, это действительно называется яхтой, но такие «кораблики» я до сих пор видела опять же только в кино. Про Джеймса Бонда, например. Там было все, что только можно пожелать, и много чего сверх того. Роскошная гостиная, элегантно-строгий кабинет, две изысканно-преlestных спальни. На верхней палубе под тентом разместились низкий стол и низкие же диваны, кресла, пуфики и всевозможные коврики. Рубка представляла из себя гибриды кабины какого-нибудь космического аппарата и капитанский мостик приличного авианосца. Словом, занесло меня на яхту суперкласса, которых, как я потом узнала, во всем мире было считанное количество. Даже очень считанное.

– Если хотите, Виктория-ханум, то можете переодеться в купальник, – заявил Исмаил-бей, когда первоначальный осмотр яхты был закончен. – У меня тут запросто, без церемоний. Кстати, и я с вашего позволения переоденусь.

Молчаливый матрос в белоснежной робе отвел меня в одну из спален, где я не только напялила на себя лучший, из имевшихся в моем распоряжении купальных костюмов, но и чуть-чуть подкрасила мордашку, чтобы, значит, быть совсем уж неотразимой.

Попутно я осмотрелась и поняла, что от такой спальни не отказалась бы и в Москве. Не буду пускаться в долгие описания, достаточно того, что на кровати вместо покрывала лежала какая-то белоснежная мягкая шкура. С кого ее содрали, я так и не поняла, а спрашивать постеснялась, решив для себя, что это – снежный барс.

На верхнюю палубу я выплыла павой: как учили в популярном когда-то художественном фильме: походка от бедра, раскованный шаг пантеры. Уж это-то я умела: красиво ходить, не зря несколько лет в балетной школе промучилась. Балерины из меня не получилось по причине отсутствия таланта, но походку и осанку мне там наладили.

Меня уже ждал Исмаил-бей, тоже переодевшийся в демократически-простенькие шорты и такую же майку. Все, естественно, белое: других цветов он, по-видимому, не признавал. Воистину, у богатых свои причуды.

– Ланч у нас будет на островах, – сообщил он мне. – Часика через два. Там, кстати, и купание отличное. Вы любите плавать?

– Очень, – искренне сказала я. – Жаль только, что редко приходится.

– А с аквалангом поплавать хотите?

Я слегка струхнула. Акваланг – это уже почти техника, а с нею отношения у меня всегда были напряженными. Но, с другой стороны, я же не одна там буду, спасут, в случае чего. Откажусь – никогда в жизни себе этого не прощу.

– Хотела бы, – осторожно начала я, – но дело в том, что...

– Еще ни разу не пробовали? – закончил за меня Исмаил-бей.

Я кивнула.

– Это не сложнее, чем управлять автомашиной. Да и я все время буду рядом. А акул в этих местах не водятся.

Про акул я как-то не думала, а вот сравнение он придумал явно неудачное. По части вождения автомобиля я была полной бездарью. Сколько ни пытались различные друзья и зна-

комые научить меня водить машину, все подобные попытки заканчивались оглушительным провалом. Не знаю, почему, но даже просто завести машину я была не в состоянии, а уж о том, чтобы сдвинуться с места и проехать хотя бы несколько метров по прямой даже думать было нечего. В общем, не мое это.

– Я буду рядом, – повторил Исмаил-бей. – Поплаваете с аквалангом, потом это станет вашим любимым досугом.

Угу, обязательно. В Москва-реке. Или в собственной ванне. Но человек так искренне старался доставить мне удовольствие, что я только кивала и улыбалась. Нам уже принесли что-то невероятно вкусное в высоких, запотевших бокалах, мы потягивали напиток не торопясь, и какое-то время, по-моему, просто изучали друг друга. Что ж, психологически это было вполне оправдано: вчера было темно, рассмотреть меня во всех деталях Исмаил-бей явно не мог, теперь наверстывал упущенное.

Хотелось верить, что увиденное не слишком его разочаровало. В свой тридцатник я выглядела от силы на двадцать пять, на фигуру никогда не жаловалась, ну, а лицо – штука субъективная, кому что нравится. Моя физия, например, хороша тем, что ее можно расписать под что угодно: хоть под Мэрлин Монро, хоть под женщину-вамп, хоть под хохлому. В нераскрашенном же виде оно могло считаться скорее привлекательным, чем отталкивающим.

– Вы замужем, Виктория-ханум? – вдруг нарушил молчание Исмаил-бей.

Я покачала головой.

– Уже давно нет. А вы женаты?

– Разумеется. Но моя старшая жена живет в Стамбуле, а младшая – на Кипре. Сюда я их не привожу никогда, тут я отдыхаю.

– А где еще две? – поинтересовалась я с невинным видом. – Правоверному мусульманину, по-моему, полагается четыре.

– Это предрассудки, – тоже с улыбкой отмахнулся Исмаил-бей. – В мире так много прекрасных женщин, невозможно жениться на всех.

Очень скрупулезно подмечено! Тем более что по их же исламским нормам число наложниц в принципе не ограничивается. Вот будет интересно, если Олег прилетит именно сегодня! Он ведь безумно ревнивый, мне это прекрасно известно. Хотя... он же сказал, что его приезд отменяется. Значит, я свободна и могу вести себя так, как Бог на душу положит.

– Сколько времени вы намерены пробыть в Кемере, Виктория-ханум?

– Когда летела сюда, предполагалось, что две недели. Но вчера мне недвусмысленно заявили, что лучше бы мне уехать отсюда немедленно.

– Кто? Когда? Вам уже и по телефону угрожали?

– Нет, это мой... бой-френд. Первоначально предполагалось, что эти две недели мы проведем вместе. В последний момент что-то не срослось. Телефонам он, судя по всему, не слишком доверяет, прислал электронку.

– Он вообще-то в курсе того, что происходит вокруг вас?

– Вообще-то нет, – довольно сухо ответила я. – Сначала я решила, что он сам во всем разберется, когда приедет. А теперь тем более не собираюсь отчитываться. Мне не нравится, когда мною манипулируют.

– Вы имеете в виду посылку?

– В первую очередь ее. Проще было дать мне ее с собой и объяснить, кому передать. Довольно нелогично посылать что-то вслед человеку, если он едет именно туда, куда нужно что-то доставить. Ну, допустим, он сам собирался это привезти, а потом по каким-то причинам приезд стал невозможным. Но почему при этом я должна прерывать свой отдых? Не вижу ни связи, ни логики.

Исмаил-бей взял трубку и начал медленно набивать ее табаком и так же медленно раскуривать. Судя по всему, он размышлял, переваривал, так сказать, мою информацию. А я любо-

валась морем, которое теперь было повсюду, насколько хватало взгляда. Яхта шла так плавно, что это было почти незаметно.

Вот было бы здорово, если бы я могла раздвоиться! Одна половина осталась бы здесь, наслаждаться отдыхом, а вторая послушно отправилась бы домой, выполняя указание моего господина и повелителя. А еще лучше, если бы на обратном пути самолет с этой половиной брякнулся бы с высоты в десять километров и меня бы официально занесли в списки погибших или пропавших без вести. А через две недели я сама бы вернулась, загоревшая, посвежевшая и помолодевшая, и сделала бы круглые глаза: погибла? Я? Нет, братцы, слухи о моей смерти были явно преувеличены.

Интересно, расстроился бы Олег, если бы меня не стало? В чрезмерных сантиментах он до сего дня мною замечен не был, но может быть такой драматичный финал выжал бы из него скупую мужскую слезу... Вот оно мне нужно, эти его скупые мужские? Обойдусь.

Ладно, пусть самолет так и быть не падает. Может быть, можно просто притвориться, что я улетела? В конце концов в снятой квартире меня нет, а в пентхаусе фиг кто обнаружит, особенно если Исмаил-бей возьмет меня под свое крыло. А что, идея недурна. Во всяком случае, терять мне нечего, а все нитки этого странного дела и так практически сосредоточены в руках этого господина. Не считая, конечно, посильной помощи местной полиции.

– О чем задумались, Виктория-ханум? – оторвал меня от мечтаний голос Исмаила-бея.

– О жизни, – ответила я, практически не кривя душой. – Вот если бы можно было сделать вид, что я послушалась и уехала, а самой остаться здесь...

– В этом что-то есть, – вдруг оживился он. – Я, пожалуй, могу вам в этом помочь. Но сначала подождем результатов нашего мини-расследования.

– Это мы его сейчас вот так проводим? – не без сарказма осведомилась я.

– Это для меня его проводят, – невозмутимо отпарировал он. – Вас совершенно не интересует, что находится в посылке? А у меня такое впечатление, что она – ключ ко всей загадке.

– Впечатлений у меня тоже масса, – усмехнулась я, – и если забыть про записку, погром и посылку, то в основном впечатления прекрасные.

– Кому вы должны были передать посылку?

Я сообщила – кому. Воцарилась довольно долгая пауза. Потом Исмаил-бей по-новой раскурил трубку и негромко сказал:

– Нечто вроде этого я и предполагал. Местные не осмелились бы...

– А он разве не местный?

– Он эмигрировал сюда лет пять тому назад. Из Баку. Кстати, если вы обратили внимание, посылка была отправлена оттуда.

Для меня это была новость. Поскольку я теоретически знала, кто послал эту посылку, поэтому на обратный адрес взглянуть не удосужилась. Насколько мне известно, в Азербайджан Олег никогда не ездил. Хотя... что я вообще о нем в действительности знаю?

– В общем, все логично, – продолжил Исмаил-бей. – Если в городе не воруют, не убивают и не насилуют женщин, то у людей возникает впечатление, что здесь вообще нет проблем с полицией и можно творить все, что твоей душеньке угодно в рамках местного уголовного кодекса. Скажите, зачем сюда явился этот ваш приятель, Алексей, кажется?

– Он представился мне страховым агентом. Сказал, что осматривает недвижимость, которую здесь приобретают русские, чтобы определить сумму страховки и не дать страховой компании понести убытки. Он говорил: могут застраховать какой-нибудь сарай на миллион, потом его сжечь, получить страховку и уже на эти деньги строить что-то серьезное.

– Насколько мне известно, русские здесь практически не владеют недвижимостью. Кое-что вкладывают немцы, немного итальянцы. Выходцы из Азербайджана, разумеется, тоже, но это уже турки. Последнее время идет какая-то подозрительная возня вокруг того строительства, которое вы могли наблюдать из окна. Кусочек, конечно, лакомый... А что, вполне воз-

можно, что ваш друг, например, решил его купить, но действовать прямо не решился, предпочел прибегнуть к услугам этого администратора из ресторана. Будут торги, я уже почти решил выставить этот объект на аукцион. У местных, конечно, всегда есть преимущество, хотя бы потому, что они прекрасно знают все ходы и выходы, кому взятку дать нужно обязательно, а к кому с этим лучше и не соваться. Логично, вполне логично. У вас в квартире, безусловно, искали посылку. Не удивлюсь, если за вами начали следить с того момента, как вы прибыли в Кемер. А может быть, и раньше.

– Зачем?

Вопрос был, конечно, глупый: зачем вообще следят за людьми? Мне следовало спросить: почему? Но я несколько растерялась. Последний месяц мы с Олегом лично не виделись, билеты и кредитную карточку он, мне прислал с курьером, объясняя все это своей безумной занятостью. Но ведь одновременно с тем же курьером и с тем же успехом он мог и посылку передать. Не захотел почему-то. То есть не почему-то, а потому, наверное, что опасался таможенного контроля на каком-то этапе моего перелета. Значит, посылка содержала что-то не совсем законное.

– Именно этот вопрос я себе и задавал: зачем за вами следили? Не хочу вас пугать, Виктория-ханум, но, по-моему, вокруг вас сейчас суетятся две команды конкурентов. Кто-то ведь подсунул записку, и этот кто-то явно был не заинтересован в том, чтобы вы еще и какими-то делами в Кемере занимались. А другая сторона организовала обыск. Причем организовали быстро и оперативно, если ваш сосед по лестничной площадке ничего не увидел и не услышал...

– Вот это как бы не факт, – оживилась я. – Он ведь еще утверждал, что видит меня впервые в жизни. И для пущей убедительности добавил, что женщину, с такими длинными и красивыми ногами ни за что бы не забыл, если бы видел.

– Я на его месте поступил бы в точности так же, – усмехнулся Исмаил-бей.

– Не сомневаюсь. Только вечером я была в платье, которое ноги скрывает абсолютно. То есть под ним могут быть как живые конечности, так и протезы...

– Что?

– Шутка, – спохватилась я, сообразив, что мой собеседник безусловно еще не привык к моему чувству юмора и яркое сравнение его слегка напугало. – Я хочу сказать, что этот самый сосед видел меня утром или днем. Тогда я была в юбке с такими разрезами, что ноги можно было рассмотреть во всех деталях. Он и рассмотрел. Но, как настоящий мужчина, не обратил внимания на то, что вечером я уже была одета по-другому. К тому же у него почему-то вылетело из головы, что накануне вечером он очень пристально меня разглядывал, когда я сидела на своей террасе, а он вышел на свою. Рассматривал, между прочим, либо в бинокль, либо пользовался прибором ночного видения, точно сказать не могу, но что-то там бликовало. Так что к соседу я бы присмотрелась. Не сама, конечно...

– Идея недурна, – кивнул Исмаил-бей. – Сейчас примем меры.

Он взял со столика какую-то блестящую штучку, оказавшуюся свистком, и негромко свистнул. Матрос, стюарт или как он там на яхте называется, возник мгновенно, будто за углом дожидался. Исмаил-бей произнес одно только слово и через несколько секунд уже держал в руках мобильный телефон.

Пока он отдавал кому-то какие-то приказания, я вновь засмотрелась на морскую гладь. Какая жалость, что я забыла захватить с собой фотоаппарат! Не сегодня забыла, а вообще не взяла с собой. Олег обещал взять свой, навороченный, какой-то цифровой, и я здраво рассудила, что моя «мыльница» мне вряд ли пригодится. В результате вообще осталась без фотоаппарата. Мораль: никогда и ни на кого не стоит рассчитывать, все делать исключительно самостоятельно.

Хотя я и так все делала самостоятельно с тех пор, как закончила институт. Родители преподнесли мне королевский подарок: отдельную однокомнатную квартирку на окраине и особо в мою дальнейшую жизнь не вмешивались. В результате, я, конечно, набила определенное количество шишек, но и кое-какой опыт приобрела. Шишки мне залечивать родители как раз помогали, да и особо болезненных я до сих пор не получала.

Самым большим разочарованием оказался скоропалительный глупейший брак с моим школьным приятелем. Мы дружили больше десяти лет и нам почему-то показалось, что если мы станем супругами, то качество общения от этого только улучшится. Все оказалось ровно наоборот, ни в быту, ни в постели мы друг другу совершенно не подходили, поэтому через полгода мирно развелись, а еще через несколько месяцев возобновили прежние дружеские отношения. С тех пор я замуж больше не стремилась: если уж человек, которого, кажется, знаешь, как облупленного, в брачной жизни преподносит такие сюрпризы, то чего ожидать от человека совершенно незнакомого и вообще – чужого. И вообще я еще не нагулялась всласть.

Правда, гулять особо было некогда: после института я каким-то чудом устроилась стажеркой в крупную рекламную фирму, старалась изо всех сил, выдержала испытательный срок и теперь числилась уже менеджером с реальными перспективами стать менеджером старшим. Но и работать приходилось не за страх, а за совесть, так что мне даже личной жизнью было практически некогда заниматься.

Нет, какие-то романчики, конечно, случались, но не слишком убедительные. Правда, был один, я бы сказала, «кровавый роман», но после него мне вообще довольно долго не хотелось никаких лирических отношений с представителями противоположного пола. Тот самый, завязавшийся в Интернете и закончившийся столь же мгновенно, сколь и неприятно. А потом я познакомилась с Олегом, то есть доблестно наступила на те же грабли – чужого мужа... Теперь, соответственно, и расплачиваюсь.

Замечу в скобках, что Исмаил-бей вообще был дважды чужой муж, но тут количество жен как бы сводило социальный статус на нет. Да и восточные нравы от западных кое-чем отличаются. Во всяком случае, пока в положительную сторону, с моей точки зрения.

– Ну вот, теперь за вашим соседом будут приглядывать, – вывел меня из задумчивости голос Исмаил-бея. – А пока нет других важных новостей, давайте забудем обо всех этих неприятностях и будем отдыхать. Вон, кстати, и острова показались.

Острова действительно показались очень кстати: солнце припекало все сильнее, несмотря на тент, и мне безумно хотелось окунуться в море, чтобы освежиться. Яхта плавно зарулила в небольшую бухту и остановилась. Вода была такой прозрачной, что казалось, ее не было вовсе. По сравнению с нею то, что плескалось возле Кемера, могло претендовать только на звание грязной лужи.

– Я искупаюсь! – завопила я, пренебрегая всеми правилами приличия. – Прямо сейчас.

И сиганула с палубы в воду, благо все это время была уже в купальнике. Мое счастье, что в этом месте было достаточно глубоко, иначе я бы просто свернула шею. Когда я вынырнула и отфыркалась, то увидела, что оба матроса (или стюарда) застыли возле борта в позиции «на старт», а Исмаил-бей выглядел несколько бледным. Ну и ладно, обошлось ведь. Я с восторгом отдалась теплым волнам, хотя благоразумно держалась в пределах видимости яхты. Там паника, кажется, улеглась, только Исмаил-бей, сидя в кресле, не спускал с меня глаз. Обслуга, надо полагать, занялась какими-то своими делами.

Не знаю, сколько прошло времени, но наплавалась я всласть, до легкой усталости. Даже ноги слегка дрожали, когда я поднималась на палубу. Но такого удовольствия от жизни, честно скажу, давно не получала. Если получала вообще.

Я плюхнулась в шезлонг рядом со столиком и блаженно закрыла глаза. Теперь бы для полного счастья что-нибудь выпить. Холодного. Открыв глаза, я обнаружила бокал с апельсиновым соком прямо у себя под носом. Сок был ледяной и невероятно вкусный.

– Спасибо, – проговорила я, с трудом оторвавшись от напитка. – На самом деле это и есть счастье... По крайней мере, это именно его вкус.

– Вы чуть не до смерти напугали меня, Виктория-ханум, – укоризненным тоном сказал Исмаил-бей. – Вдруг, без предупреждения, сорвались с места, кинулись в воду в совершенно неизвестном для вас месте. Не ожидал от вас такого легкомыслия.

– Простите, пожалуйста, – покаянно пробормотала я. – Но мне так захотелось искупаться, просто ничего не могла с собой поделать. Честно слово, больше не буду. Обычно я веду себя гораздо более разумно.

– Хочется верить, – буркнул Исмаил-бей. – Но если вы действительно хотите поплавать с аквалангом, то извольте находиться в непосредственной близости от меня. Авантюры под водой добром не кончаются.

– Слушаю и повинуюсь, – смиренно склонила я голову.

Меньше всего мне хотелось сейчас дискутировать о свободе личности и равноправии полов. К тому же, если честно, акваланга я немного побаивалась. Но не признаваться же в этом!

– Отдохните пока, – смягчился Исмаил-бей, видя мою кротость и покорность. – Потом попробуем поплавать с аквалангом, а уж после этого – обед и экскурсия на остров. Там сохранились кое-какие живописные руины, кажется, греческие. Как вам такая программа?

– Замечательно! – с искренним восхищением ответила я. – Жаль только, что у меня фотоаппарата нет. Вот были бы кадры!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.